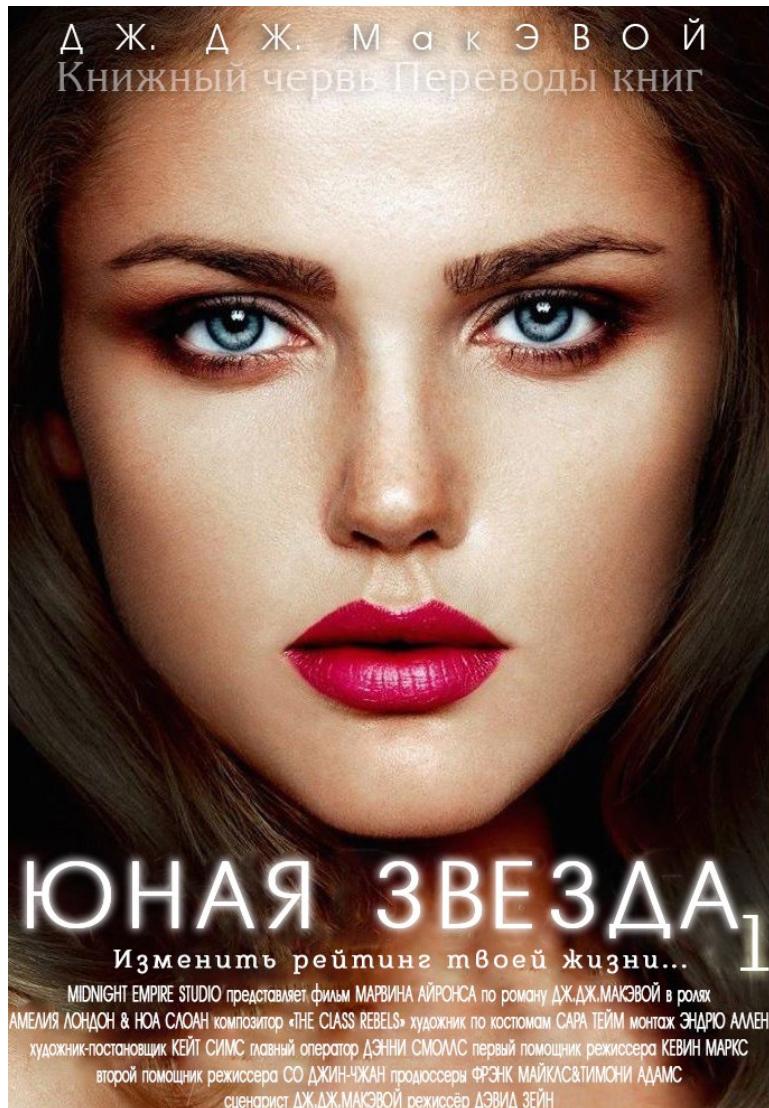


Д Ж. Д Ж. М а к Э в о й
Книжный червь Переводы книг



Оригинальное название: Childstar 1 (Childstar #1)

by J.J. McAvoy 2015

«Юная звезда. Часть 1» (Юная звезда #1)

Дж. Дж. МакЭвой 2017

Перевод: Юлия Михайлова

Редактор: Татьяна Иванникова

Вычитка: Дарья Федюнина

Русификация обложки: Анастасия Токарева

Переведено специально для группы: [Книжный червь / Переводы книг](#)

Любое копирование без ссылки
на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Амелия Лондон – любимица Америки.

Ноа Слоан – плохиш Америки.

Оба в прошлом юные звезды кино, да еще и бывшие возлюбленные. Когда они назначены на главные роли в предстоящем романтическом саспенс блокбастере «Грешники, похожие на нас», прежде всего им придется смириться с личными проблемами, которые разлучили их.

Когда весь мир наблюдает за ними, смогут ли они уберечь свои секреты? Ведь, в конце концов, каждый является грешником...

«Существует постоянный поток детей-актеров. Отчасти даже забавно наблюдать за тем, как новое поколение успешно справляется. Я думаю «Вы – бедняжки. Ведь оказываетесь перед необходимостью бороться с трудностями в течение долгого времени»».

~ Тина Йозерс

Пролог

Ход

В некоторые дни я просыпался, смотрел на себя в зеркало и видел достойного парня. Относящегося к тому типу парней, которого любая девушка пожелала бы познакомить с родителями. Они улыбнулись бы по команде, сказали бы приятные слова и отпустили бы ее на свидание. Парень, который мог заняться любовью, а не просто трахнуться.

Сегодня не такой день.

Сегодня я был тем же самым прежним сукиным сыном, как и всегда. Я отношусь к тому типу парней, к которому отцы боятся до смерти подпускать своих дочерей, поскольку, скорее всего, они окажутся в том же положение, что и эта администраторша. С юбкой, задранной до талии, с трусиками, брошенными где-нибудь на голубом мраморном полу туалета и с задницей, прижатой к стенке кабинки, в то время как я толкаюсь все глубже и интенсивнее в ее пульсирующую киску.

– Ох... ох... давай же! – ее губы приоткрылись, а глаза закрылись от наслаждения, когда она ухватилась за верхнюю часть кабинки.

Услышав вздохи и шепот по другую сторону кабинки, я усмехнулся и безжалостно толкнулся в нее, крепко сжав ее бедра, отчего, знаю, скорее всего останутся синяки. Наклонившись вперед, я поцеловал ее в губы. Мой язык проскользнул в ее рот, еще больше пробуя ее на вкус. Она тяжело задышала напротив моих губ, потянув мои волосы и вцепившись в меня, поскольку все ее тело задрожало.

Чтобы достигнуть пика, мне потребовался еще один глубокий толчок, и я наконец-то кончил, отчего удовольствие пронеслось по всему моему телу.

– Ох... Боже... Мой, – удалось ей вымолвить между вдохами.

Как только я вышел из нее и отпустил ее бедра, ее ноги подогнулись. Она облокотилась на стену, чтобы собраться с силами, в то время как я стянул презерватив, смыл его и начал приводить себя в порядок.

– Ты был...

– Спасибо, не против подвинуться? – я кивнул на дверь, которую она прямо сейчас блокировала.

Ее карие глаза расширились, словно она потрясена. Мне совсем не хотелось вести беседу о том, каким великолепным я был в туалетной кабинке.

– Ох, да, конечно, – она быстро отошла и попыталась поправить свою юбку, но ни при каких условиях я не желал иметь дело со слезами. Достав бумажник из заднего кармана, я вытащил двести долларов и протянул ей.

Ее лицо стало ярко-красным. – Я не...

– Меган, – я прочитал ее имя на бейдже. – Я не стану делать выводы на твой счет.

Фактически я вообще никогда не задумаюсь о ней снова.

Поместив деньги ей в лифчик, я открыл кабинку и вышел, увидев свои собственные зелено-голубые глаза в отражении зеркала. Отведя взгляд, я направился к двери, как вдруг она обратилась ко мне.

– Подожди... могу я, по крайней мере, получить твой автограф?

Немного развернувшись, я ухмыльнулся и кивнул головой в направлении ее бедер.

– У тебя он уже есть.

Опять ее лицо покраснело. Не сказав больше ни слова, я вышел. Конечно же, не только мой телохранитель ждал меня, но еще и Остин, мой агент и менеджер. Остин намного ниже средне статического человека, имеет нос с горбинкой и темные волосы с проседью. Он также годится мне в отцы. Остин уставился на меня, скрестив руки на груди. Прежде чем он успел заговорить, дверь позади меня открылась. Она замерла на мгновение, позволив моему телохранителю выйти вперед. Между нами оказалась стена в виде мышечной массы в сто десять килограммов. Она не промолвила ни слова, развернулась и умчалась по коридору, вероятно, выполняя свою работу.

– Доволен? – Остин нахмурился.

Никогда.

– Я буду в машине...

– Продюсер попросил приехать нас, поскольку желает лично предложить тебе роль в этом фильме, Ноа.

– Мне плевать, – сказал я. Засунув руку в карман пиджака, я вытащил сигарету и направился к выходу по красной ковровой дорожке. Уже почти полночь, и я нахожусь в одном из самых престижных отелей Голливуда. Можно было бы подумать, что, по крайней мере, здесь, мне не придется иметь дело с фанатами. Но как только я вышел, то сразу же отчетливо услышал их.

– Боже мой! Это Ноа Слоан?

– Не может быть? Где?

– Он так чертовскиексуален.

– Когда он вышел из центра реабилитации?

– Он был в центре реабилитации?

Дэниэл, мой телохранитель, протянул мне наушники, но я отказался от них.

Кого, черт возьми, волнует, что они думают?

Игнорировать их очень просто. Я лишь продолжал смотреть вперед, и вскоре всё и каждый отошли на второй план... как и всегда.

Ветер пронесся через меня, когда я вышел на улицу к ожидающему автомобилю. Меня сразу ослепли вспышки фотокамер.

– Ноа, какие наркотики ты принимал?

– Ноа, теперь ты чист?

– Ноа, правда ли, что тебе предъявляют иск?

– Ноа...

Дэниэл оттолкнул их при помощи своего тела, чтобы открыть мне дверь, после чего я скользнул внутрь на черные кожаные сиденья. Открыв окно с тонированными стеклами лишь немнога, я зажег сигарету и заполнил легкие никотином, прежде чем выпустил дым через нос, облокотившись на сиденье. Затворы камер щелкали, в то время как Остин сел на переднее сиденье, хлопнув дверью. Мне не пришлось долго ждать его нотаций.

– Ты вышел из реабилитационного центра только сегодня утром. Ты хоть представляешь, как сложно заполучить какой-либо контракт, не говоря уже о встрече с гребаным продюсером, Ноа? Ты самый своевольный человек, которого я когда-либо встречал! С образом плохиша мы всегда сможем работать. Но я хотел попытаться изменить представление о тебе прежде, чем ты пошел и начал трахаться с администраторшей в туалете отеля. Она, вероятно, открыла свой проклятый рот, чтобы разболтать каждому человеку с ушами. Что не так с тобой?

Хороший вопрос. Возможно, все дело в этом городе. Чем дольше я нахожусь здесь, тем хуже чувствую себя, но как ни странно, я не уверен, что где угодно лучше, чем тут. Чем занимаются нормальные люди из нормальных городов?

Я играю роли в течение двадцати лет. Сейчас мне всего двадцать семь. Мое детство прошло в перемещениях с одной съемочной площадки на другую. Не существовало никаких правил, никаких ограничений, и я мог получить все, что пожелаю, как только просил. Я был милым, привлекательным Ноа Слоаном в «Правилах Матери», когда мне было семь лет, а затем в «Ребенок гений» в двенадцать. В тринадцать я выиграл свой первый «Оскар». В пятнадцать был подростком сердцеедом номер один в Америке, а в семнадцать, когда меня поймали на «измене» по отношению к моей тогдашней девушке, коллеге юной звезде Амелии Лондон, я стал новым плохишом Голливуда в ту же ночь. Тот ярлык стал все больше приемлем ко мне, чем старше я становился. Но мне все равно. Так, может, проблема во мне? Только во мне.

– Ноа!

– Что? Черт побери, что опять? – огрызнулся я, наконец-то обратив внимание на Остина, который прямо сейчас держит толстый сценарий перед моим лицом.

– Когда я говорю «у тебя нет предложений», Ноа, я подразумеваю, что у тебя нет предложений, если ты не снимешься в этом фильме. Так спроси себя: ты действительно хочешь перестать сниматься? Если да, то не утруждай себя его прочтением. Я дам продюсеру знать, – ответил он, бросив сценарий на сиденье рядом со мной.

Перестать сниматься? Как будто это на самом деле так легко. Если бы я не играл в кино, кем бы я был? Чем больше я задумываюсь об этом вопросе, тем меньше мне нравится ответ на него.

Я был бы никем. Если бы я не играл в кино, я был бы никем. Это же так просто.

Протянув руку, я поднял сценарий и прочел название.

«Грешники, похожие на нас».

В этом фильме я смогу сыграть.

Глава 1

Амелия

Я – эгоистка.

Я – лгунья.

Я инфантильна.

Такое ощущение, словно моя жизнь выходит из-под контроля каждый божий день.

Я – юная звезда. Дни рождения всегда значили нечто совсем иное для меня. Для нормальных людей взросление ассоциируется с чем-то хорошим. У шестнадцатилетних – с выживанием в старшей школе и обучением вождению. Восемнадцатилетние – для многих означает стать взрослым, а в двадцать один – ты уже законно имеешь право напиваться. Все эти этапы жизни для нормальных людей, но я не вхожу в их число. Впервые я пошла в старшую школу в девять лет, сыграв главную роль в телевизионном сериале «Ребенок гений». Я учились водить на площадке во время съемок «Королей улиц», когда мне было четырнадцать. И первый раз я напилась в Мексике в пятнадцать лет, но это произошло из-за несчастного случая на съемочной площадке. Это было незаконно, но никого не потревожил этот факт.

Всю свою жизнь я метаюсь с одной съемочной площадки на другую, воспринимаемая в роли милой восхитительной любимицы Америки – Амелии Лондон. Но сегодня наступил мой двадцать пятый день рождения, я уже на полпути к тридцатилетию. Теперь я официально слишком стара, чтобы называться «милашкой», и в придачу ко всему моей карьере грозит фееричный конец, если я не пред приму что-то кардинальное. По крайней мере, именно это продолжает твердить мне мой агент.

– Амелия, Амелия? – мой двадцатилетний агент, Оливер Коул, который, клянусь своей жизнью, выглядит в точности, как Хью Джекман в своих очках в тонкой оправе и с пирсингом в левом ухе, щелкает своими бледными пальцами перед моим лицом.

– Прости, я задумалась, – тяжело вздохнула я, откинувшись на спинку его офисного кресла и взяв сценарий в руки.

– Знаю, – он обошел свой стол и встал передо мной, – это огромный шаг. Если ты снимешься в этом фильме, то никто больше не будет воспринимать тебя, как лапочку Амелию. Это также означает, что если ты облажаешься, то сожжёшь последний мост, на котором до сих пор держишься.

– Спасибо, Олли, – сказала я с сарказмом. Я всегда могу быть уверенной, что он скажет мне правду. Никто больше не решается.

– Я серьезно, Амелия. Этот фильм совсем другой. Жестокий, порочный, экстравагантный...

– Я понимаю, черт побери. Тебе больше нет необходимости назойливо докучать мне, – я нахмурилась, перелистывая страницы.

Первая строчка сценария, привлекшая мое внимание, гласила: «Дэймон привязывает руки Блэр к кровати, а затем принимается прокладывать поцелуи вдоль ее тела к груди».

– Ты уверен, что это не порно? – спросила я, представив развернутую сцену.

Олли подошел к столу, взял красную книгу и вручил ее мне. – Он будет сниматься по этому серийному роману «Грешники, похожие на нас». Первая книга занимала первое

место в рейтинге на протяжении тридцати двух недель, и поклонники безумно желали фильм. Midnight Empire Studios просто приобрела права на экранизацию. Он станет обожаемым, Амелия. Вспомни «Сумерки», «Голодные игры», «Пятьдесят оттенков»... это твой золотой билет, если ты получишь эту роль.

— Если? — я нахмурилась. Я скучаю по тем дням, когда режиссеры были готовы на все только ради того, чтобы я согласилась произнести несколько реплик в их фильмах. Такое ощущение, словно я новичок в этом деле. Мое имя теперь почти ничего не значит. Порой, даже совсем ничего.

— Если, — он кивнул, скрестив руки. — Режиссер и я давно знакомы. Мне удалось продвинуть твоё имя вверх списка. Они устроят твоё прослушивание прежде, чем рассмотрят другие кандидатуры, так что ты должна заинтересовать их.

Как?

Я никогда не играла сексуальные и порочные роли.

— Возможно, — прошептала я, взглянув на сценарий, — возможно, пришло время мне просто сделать перерыв? Я могу поступить в колледж и...

— И постоянно люди станут подходить к тебе и спрашивать «а ты не та девушка из сериала «Ребенок гений»?» или «где ты снималась в последнее время?». Либо так, либо ты станешь довольствоваться заурядными комедийными сериалами. Или, еще хуже, ты появишься в телепередаче «Где они теперь?», возможно, люди поаплодируют тебе за то, что у тебя пока еще не случился нервный срыв. Если ты именно этого хочешь, только скажи...

— Нет! — я чуть ли не вскочила со своего места. — Я поработаю над этим. Я справлюсь. Когда прослушивание?

— Сегодня в четыре.

— Олли! — час? За такое короткое время мне придется стать сексуальной лисицей? Он сошел с ума?

— Амелия, это самая сексуальная книга года. У этого фильма уже 2,6 миллиона фанатов, а еще нет даже списка актеров. Люди так воодушевлены, что книга «Грешики похожие на нас» набирает еще большую популярность с тех пор, как объявили об экранизации. Ты понимаешь? Этот поезд не станет никого ждать.

— Я приду, — понятия не имею, как справлюсь, но хочу попробовать. — Есть что-нибудь еще, что мне нужно знать?

Он замолчал, и я знаю этот взгляд.

— Это же не касается моей матери, да? Поскольку, Олли, я не собираюсь платить ей еще...

— Нет, мужская роль уже утверждена.

Иисус, они действительно не медлят с этим фильмом. — Итак, кто это? Надеюсь, что это Брэдли...

— Ноа Слоан.

— Боже, черт тебя побери, — простонала я, прижав ладонь ко лбу.

— Следи за языком, — сказал он, и я переборола желание показать ему средний палец. Любимица Америки, Амелия Лондон, не скверносоловит. Она не устраивает вечеринки и не попадает в неприятности. Она относится к «хорошим». Или, по крайней мере, именно такой образ ассоциируется со мной у людей, но уже несколько дней у меня имеется ярое желание сказать «да пошло оно все к черту, мужик».

— Знаю, что тебя и Ноа Слоана связывает прошлое...

— Это еще мягко сказано, — усмехнулась я. — Разве он не вышел из реабилитационного центра всего три недели назад? И все же он по-прежнему тратит больше времени на вечеринки, чем на съемки в кино. Как он получил эту роль?

Олли ничего не сказал, подняв свой планшет, он показал мне онлайн-голосование. Заголовок над ним гласил «*Кто, по вашему мнению, подходит на роль Дэймона Шоу?*». У профиля Ноа было восемьдесят девять процентов из более, чем двух миллионов голосов.

– Этот фильм полностью основан на привлечении всеобщего внимания и воплощении фантазий. Фактически репутация Ноа сыграла ему на руку. Так что неважно, насколько сильную неприязнь ты испытываешь к нему, просто не придавай этому значения.

Все думали, что Ноа Слоан грешен, потрясающе сексуален и Божий дар для женщин с его темно-каштановыми волосами и ослепительными глазами. Но когда я увидела его фото, то вспомнила парня, разбившего мое сердце на тысячу маленьких осколков, словно это пустяк. Мы провели наше детство, играя брата и сестру в «Ребенок гений» прежде, чем его герой вынужден был «переехать», когда наши «родители» развелись. Существовало множество причин для такого поворота сюжета, но ходили слухи, что его настоящий отец и режиссер не поладили. Позже мы начали встречаться с ним в подростковом возрасте, но это продлилось всего несколько месяцев прежде, чем он изменил мне... публично.

Мой первый поцелуй? С Ноа.

Мой первый раз? С Ноа.

Впервые разбитое сердце? Ноа.

А теперь и это?

Я сыта им по горло. Если бы я больше никогда не увидела его лицо, мне было бы плевать.

– Этот фильм достаточно хорош для двух юных звезд, пытающихся вернуться? – пробормотала я больше себе, чем ему.

Оставаясь верным своим принципам, он сказал мне правду – Лучше пусть так и будет, поскольку в противном случае ты в пролете.

– Я собираюсь прочесть этот сценарий, как можно быстрее, прежде чем ты растерзаешь все, что осталось от моего эго, – я встала, схватив свою сумочку от «Шанель». – Где прослушивание? В киностудии *Midnight Empire*?

– Да. Водитель уже ждет тебя, – он откинулся на спинку кресла и набрал его номер.

– Честно, Олли, ему не обязательно подъезжать к запасному выходу. Не похоже, что папарацци поджидают меня...

– Я знаю, что одна из участниц телешоу «Семейство Кардашьян» находится здесь, нам не нужно, чтобы тебя сфотографировали, выходящей с ними. Мы должны защитить твой образ хорошей девочки, пока ты не заполучишь эту роль.

Вот так запросто, я наблюдаю, как последние ключья моей гордости и этого сгорают дотла. Я выиграла премию «Оскар» в четырнадцать. У меня как минимум три десятка экранизаций за плечами. И Кардашьян важнее, чем я. Ты, черт побери, издеваешься?

– Пожелай мне удачи, – пробормотала я, выйдя из комнаты. Я не могу позволить себе потерять самообладание.

Водитель уже ожидает. Направляясь к нему, я нацепила улыбку на лицо для тех, кто посмотрел в мою сторону. Я играю роль хорошей девочки с того дня, как мне исполнилось восемнадцать. Такое чувство, словно все ждут этого момента, когда я лишусь рассудка или оторвусь по полной на какой-нибудь вечеринке, но честно говоря, у меня нет времени на это. Олли продолжает предупреждать меня, что конец моей карьеры совсем близко, поэтому большую часть своего времени я пытаюсь заполучить любую подходящую для меня роль. Если же я не занималась этим, то отдыхала дома. У меня скучная жизнь. Это кажется невероятным для некоторых людей, но правда заключается в том, что моя версия веселого времяпровождения, так это находиться без лифчика, сидя в штанах и смотреть канал «Netflix», питаясь как беременная женщина, а затем я реву оттого, что съела так чертовски много.

– Спасибо, – сказала я, когда водитель открыл дверь «мерседеса» для меня. Сев на заднее сиденье, я скинула туфли от Джимми Чу, пошевелила пальцами ног и открыла сценарий.

Грешники, похожие на нас.

История сосредоточена на двух криминальных любовниках, Дэймоне Шоу и Блэр Хоторн, которые, в свою очередь, являются мошенниками и ворами мирового уровня. Они получают все, что пожелают каждый раз, включая друг друга. Воровство для Дэймона и Блэр похоже на прелюдию. Они постоянно сражаются друг с другом, как физически, так и эмоционально. В итоге заканчивается все тем, что они оба довольствуются своими расхождениями во мнениях в разнообразных сексуальных действиях, многие из которых вовлекают Дэймона связывать Блэр. Они были некой испорченной парой, и у них миллионы читателей, беспрекословно сходящихся к ним с ума. Блэр Хоторн смелая, сексуальная и опасная, да вдобавок ко всему, она любит доминировать.

Так что она совсем не похожа на меня.

Я вовсе не невзрачна, но и не Афродита. Я располагаюсь в золотой середине под названием «приемлемо». Я перекрасила свои русые волосы в почти черный цвет, но мои глаза все такие же голубые, как океан. Моя отличительная особенность, так это несколько веснушек на кончике носа. Чем больше сценария я прочитываю, тем больше задаюсь вопросом: «*как, черт возьми, собираюсь сыграть эту роль?*».

Закрыв глаза, я стараюсь не думать о том факте, что единственны возможные сценарии, поджидающие меня, так это от студии «ABC Family» под названием «*Пуститься во все тяжкие с семьей*» или еще более оскорбительное, например, реалистичное обо мне и моей матери.

Я предпочту умереть.

— Мисс Лондон, мы приехали, — сказал мне водитель, когда медленно остановился перед стеклянным зданием, расположенным в центре города.

— Спасибо, я не скоро вернусь, — я надела каблуки, схватила сумочку и вышла. В Лос-Анджелесе так жарко, что, как только я оказалась на улице, клянусь, у меня появилось такое ощущение, словно моя кожа плавится.

— Чем могу помочь? — спросил портье, когда я ступила на отполированный пол. В центре располагаются буквы «MES».

— Амелия Лондон к... — я взглянула на сценарий, — ... David Zane and Company.

Портье улыбнулся мне.

— Амелия Лондон? Я раньше смотрел «Ребенок гений» и «Заколдованный» все время. Я — огромный фанат.

— Спасибо! — сказала я бодро. «Заколдованный» — это сериал, в котором в подростковом возрасте я сыграла ведьму. Я ненавидела те времена сильнее, чем могу объяснить. — Так куда мне идти?

— Двадцатый этаж, третья дверь направо.

Кивнув, я взглянула на часы и направилась в сторону лифтов. У меня в запасе еще двадцать минут, но я предпочитаю прийти пораньше.

— Придержите дверь! — выкрикнула я, торопясь к лифту. Я заметила, что человек внутри него нажимает на кнопку снова и снова, пытаясь заставить его закрыться.

Придурок!

Быстро подбежав, я просунула сумку между закрывающимися дверьми и сразу же пожалела об этом. Лучше бы лифт уехал. У меня еще было время. Но когда двери открылись, то прислоняющийся к стене лифта человек с солнцезащитными очками на глазах и одетый в темные джинсы и рубашку, рукава которой закатаны до локтей, был никем иным, как Ноа, черт побери, Слоаном.

Дерьмо.

— Дождись следующего, детка. Я ничего не подпишу, — сказал он, уткнувшись в свой телефон, даже не удосужившись взглянуть на меня.

— Прекрасно. В любом случае я не желаю ничего твоего, Ноа, — ответила я, войдя в лифт.

Он снял солнцезащитные очки и наклонил голову набок, его взгляд пробуждал по моему телу, а затем сконцентрировался обратно на лице.

– Амелия? – его глаза расширились, и злорадная ухмылка растянулась на его лице.
– Амелия Лондон? Когда у тебя появились такие сиськи?

– Да пош… после того, как я бросила тебя, – сказала я сквозь стиснутые зубы, скрестив руки на груди.

Он рассмеялся. – Ты бросила меня? Именно этим ты себя успокаиваешь? Нет проблем, если это помогает тебе спать по ночам.

Закатив глаза и развернувшись, я нажала на кнопку еще несколько раз, но все равно чувствую его пристальный взгляд на себе.

– Я знаю, что я симпатичная. Тебе следует прекратить пялиться.

– Твое это все так же не убавилось. Я не пялюсь. Я просто ошеломлен. Думал, ты покинула Голливуд.

Я намертво позабыта людьми. Прекратите напоминать мне об этом. Господи!

– Нет. Я снималась для независимых телекомпаний.

Он не выглядит впечатленным. – Почему ты здесь?

– Ради фильма.

– Очевидно. Какого фильма?

На мгновение я задумалась о том, чтобы не говорить ему, но в этом вовсе нет смысла. Он все равно рано или поздно узнает, даже если я не получу роль.

– «Грешники, похожие на нас».

– Нет, серьезно, что за фильм? – спросил он, словно ему даже на долю секунды не пришла в голову такая мысль.

Я приподняла сценарий. – *Грешники. Похожие. На. Нас.*

– Ты же не серьезно, – засмеялся он, взяв сценарий у меня из рук. – Ни при каких условиях, ты не сможешь сыграть Блэр Хоторн.

– А почему нет? Ты же получил роль Дэймона Шоу, да?

– Плохой парень, играющий роль плохого парня, в этом нет ничего удивительного.

А вот ты… – он вышел, как только двери лифта открылись на моем этаже.

– Ты – Амелия Лондон, – он нахмурился, протянув мне сценарий, когда мы подошли к дверям. – Милашка Амелия. У тебя нет шансов. У тебя получится ругаться, но ты хоть знаешь, что тебе придется сниматься голой? Кроме того, у тебя всегда был чертовски скверный характер. Избавь себя от стресса. Я слышал, что Фриман работает над романтической комедией. Тебе следует попробовать у него.

Он открыл дверь в кастинговую комнату, отдал мне сценарий и закрыл ее прямо перед моим носом.

Я стояла неподвижно в шоке всего пару секунд, после чего ухватилась за ручку двери с такой яростью, что у меня появилось желание вообще сорвать ее с петель. Он отошел лишь на несколько шагов, и я бросила свои вещи около двери, сняла туфлю и бросила ее ему в спину.

Я промазала.

– У меня появился характер, сукин, ты, сын, поскольку ты поставил себе цель взбесить меня, когда мы были молоды!

Он обернулся, широко распахнув глаза. – Ты только что бросила туфлю в меня?

– Скажи спасибо, что это просто туфля! Что заставляет тебя думать, что я не смогу сыграть эту роль? Думаешь, я не смогу обнажиться? – я сорвала с себя блузку и бросила ее на пол, после чего последовал и лифчик. Я стою перед ним, и мои соски мгновенно среагировали на холодный воздух в офисе. – Кожа – это всего лишь кожа. Я занимаюсь этим почти два десятилетия, и я ничего не боюсь, меньше всего твою второсортную актерскую задницу.

Его челюсть сжалась, и он направился ко мне, не остановившись до тех пор, пока моя спина не оказалась прижата к стене.

– Второсортный актер?

— Ты слышал меня, — я противостояла ему. — Второсортный. Единственная причина, по которой ты получил эту роль, состоит в том, что люди заблуждаются на твой счет, поскольку ты привлекательный.

Его ноздри раздулись, а взгляд пробежался по моему телу еще раз. Он так пристально уставился на меня, что мне захотелось отвести взгляд. Несмотря на холодный воздух, моя кожа ощущается разгоряченной.

— Ладно, — он нахмурился, — Хочешь сыграть эту роль? Хорошо, прямо здесь и сейчас. Будь Блэр.

— Что?

Он не стал распаляться на объяснения и начал произносить слова из роли.

— «*Ты снова потеряла голову, Блэр. Ты всегда прыгаешь в омут с головой, а затем расстраиваешься, когда все идет не по-твоему. Когда же ты, черт побери, вырастешь?*».

Мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить, откуда эти слова, и я заметила, как он уже махнул рукой на меня, отстраняясь.

— «*Да пошел ты*», — я усмехнулась ему в лицо. — «*Великий всемогущий Дэймон Шоу взбешен тем, что я не следую его правилам. Но дело в том, что я никогда не собираюсь становиться твоим домашним питомцем. Я не буду всегда делать то, что ты пожелаешь. Моя жизнь не вращается вокруг тебя!*»

— «*Продолжай отталкивать меня, Блэр! Вымешай все свои скрытые чертовы комплексы на меня! Возможно, это заставит тебя почувствовать себя лучше?*»

— «*Комплексы?*» — засмеялась я. — «*Давай не будем притворяться, что это я та, кто разрушен изнутри, Дэймон. Скажи мне, почему ты испытываешь потребность связать меня и удерживать на месте каждый раз, как только я отвернусь от тебя. Я скажу тебе: потому что ты боишься, что я уйду, точно так же, как твоя мать и отец. Люди всегда бросают тебя*»

Он замер, отступил назад и наклонился, чтобы поднять мою блузку. Этот жест впервые напомнил мне о том, что я нахожусь голой по пояс перед ним, с тех пор как сняла ее.

— «*Ты права*», — прошептал он, надевая блузку на меня через голову. Без лифчика мои соски торчат. — «*Ты все, что у меня есть, Блэр. Я так люблю тебя, что готов умереть за тебя, убить за тебя. Но ты не можешь продолжать винить меня в том, что произошло не по моей вине. Я не могу исправить это*».

Он обхватил рукой мою щеку, и большим пальцем начал выводить круги на ней. — «*И не притворяйся, что не знаешь причину, по которой я связываю тебя, ведь суть в том, что тебе просто нравится быть связанной.*»

Мы уставились друг на друга. Он находится слишком близко ко мне, и я не могу сделать этого с ним прямо сейчас. Когда он наклонился для поцелуя, я ударила его со всей силой по лицу, не побеспокоившись о том, как сильно зажжет мои пальцы.

— В твоих мечтах. Ты не мой Дэймон. Ты всегда будешь моим гребаным бывшим, Ноа, — сказала я, схватив свои вещи с пола и открыв дверь. Я сделала примерно два шага, после чего поняла, что мне не хватает одной чертовой туфли. Не просто туфли, а туфли за тысячу долларов.

Черт.

Вдобавок ко всему, я полностью потеряла самообладание! Я даже не помню, кто еще находился в комнате! После той сцены я не могу вернуться туда. Я продолжаю идти, прихрамывая, пока не замечаю на себе странные взгляды нескольких человек, после чего снимаю обувь и мчусь к лифту. Я упустила свой шанс. Сколько времени для этого потребовалось? Пять минут с Ноа, и я уже веду себя, как сумасшедшая. Каждый раз, когда он рядом, даже когда мы были детьми, я теряю свой рассудок.

Что не так со мной?

— Подождите! — кто-то выкрикнул, когда двери лифта начали закрываться. Моим

первым желанием было нажать на кнопку «закрыть двери», но я не хочу походить на него. Так что я вытерла напрашающиеся слезы в уголках глаз и нажала на кнопку «открыть двери».

— Мисс Лондон, поздравляю, — какая-то женщина с рыжими волосами подошла ко мне с моей туфлей в руках. Уже только за это мне захотелось расцеловать ее.

— Поздравляете? — нерешительно спросила я.

— Режиссер попросил передать вам, что роль ваша. Мы хотим, чтобы вы сыграли Блэр Хоторн. Мы свяжемся с вашим агентом утром. Мы планируем объявить об этом к концу недели, так что будьте готовы. Все будет происходить быстро. Ваша жизнь кардинально изменится. Фанаты этого фильма... мягко говоря, пристально следят за происходящим, — она улыбается и машет мне на прощание, уходя.

Двери закрылись, и я стою внутри лифта, ошеломленная. И внезапно меня осенило: Ноа и я на протяжении всего следующего года будем играть влюбленных.

Подняв руку, я приложила ее к груди. Мое сердце до сих пор неистово колотится, а мы еще даже не начали.

Глава 2

Амелия

Прошло всего три дня с тех пор, как объявили список актеров, и сказать, что люди отнеслись к этому чересчур серьезно, довольно-таки огромное преуменьшение.

*Это не наша Блэр Хоторн! Подпишите данную петицию, чтобы повлиять на выбор *Midnight Empire!* Не поганьте наш фильм, приняв на главную роль эту случайно выбранную юную звезду! Блэр – наша всемогущая героиня. Ребята, не позволим, чтобы она предстала в образе этой актрисы. Подпишите петицию прямо сейчас! РЕБЯТА, МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ!*

Под заголовком было мое имя и худшая фотография, которую они только смогли отыскать, на ней я в очках с выьющимися волосами. Фото было перечеркнуто, и уже набралось десять тысяч подписей. Прекрасно понимаю, что мне не следует прокручивать до раздела комментариев, но все же не смогла устоять.

- Она так чертовски уродлива.
- Я ничего не имею против нее, просто Амелия смахивает большие на вашу старшую сестру... я вообще не могу представить ее в этом фильме.
- Она даже не умеет играть! Она была милой, когда была моложе. Но сейчас весь ее репертуар полный отстой.
- Боже мой, я очень сильно смеялась при виде ее серьезного лица в фильме «Омут».
- Она до сих пор снимается в фильмах?
- Я очень надеюсь, что они пересмотрят состав актеров, иначе буду очень расстроена.
- Предоставьте шанс Голливуду облажаться.
- Она, вероятно, получила эту работу благодаря своей матери.
- Неужели никто не замечает, какая она толстая? На некоторых фотография она выглядит так, словно скоро родит.
- Эй, по крайней мере, нам повезло с Ноа! Он прекрасно впишется в роль Дэймона. Я завожусь даже просто при мысли об этом.

Резко закрыв экран ноутбука, я отодвинула его в сторону и встала с кровати. Мне хочется закричать. Все мое тело затрясло от гнева и разочарования. А затем я замерла, когда увидела пакет попкорна, который собирался съесть. Схватив его, я помчалась из своей комнаты вниз по лестнице на кухню, после чего разорвала его и выбросила все содержимое в мусорное ведро.

- Она толстая.
- Она выглядит, как беременная!
- Такая толстая.

Несмотря ни на что, я не могу выкинуть эти слова из головы. Подойдя к холодильнику, я открыла его и приготовилась выкинуть все жирное, но поняла, что мне совсем нечего выбрасывать. Салаты, вода, супы и морепродукты, приготовленные моим поваром чуть ранее и вернувшимся в особняк матери... попкорн был моим единственным лакомством.

– Что с тобой такое, Амелия? – пробубнила я себе под нос, закрыв дверь холодильника и скатившись на пол.

Я не толстая.

Я могу сыграть в фильме.

И моя мать не способствовала получению этой роли.

Знаю, что, не увидев те комментарии, все равно эти слова действовали бы мне на нервы. Я все еще жду того момента, когда «ужесточусь» к такому типу критики. Но это все никак не происходит. Если я съела салат, и кто-то умудрился заснять это на камеру, то заголовки газет гласят, что я переживаю по поводу своего веса. Если же я съем гамбургер – то не слежу за собой. Все это полный отстой. И это уже за гранью разумного, но все же такова моя жизнь.

Как раз тогда, когда я подумала, что вечер не может стать еще хуже, я услышала звонок в дверь, а затем и голос, который мне меньше всего хотелось слышать в данный момент.

– Амелия!

Ох, нет... Нет. Нет. Нет.

Я медленно приподнялась и поползла на коленях, чтобы взглянуть на уже открываемую дверь из-за кухонного островка.

Кто, черт побери, дал ей ключ?

– Амелия, милая, ты же еще не спиши...

Глубоко вздохнув, я поднялась с пола и выпрямилась. – Я тут, мама.

– А вот и моя новая суперзвезда! – она каким-то образом сумела улыбнуться, несмотря на сразу бросающуюся в глаза недавнюю инъекцию ботокса. Она подбежала ко мне, обняла меня и начала подпрыгивать на месте. – Я прилетела сразу же, как только узнала. Почему ты не позвонила мне, милая? Это грандиозное событие! Конечно же не настолько, как когда сам Спилберг предложил мне главную роль в фильме «Зверь внутри», но все же!

– Мама, я не могу дышать.

– Ох, прости. У тебя есть вино? Мы должны отпраздновать! – она отпустила меня и направилась к холодильнику. – Так...

Я перестаю слушать ее в это же мгновение. Моя мать, Эстер Лондон – четырехкратная обладательница «Оскара», двукратная победительница премии «Тони», и трижды разведена... и довольно долго была легендой старого доброго Голливуда. Она была известна, как роковая женщина с пользующимися неизменным успехом голубыми глазами и темными волосами, которые теперь превратились в яркий белый цвет благодаря возрасту и упаковке краски для волос. Между ее неудавшимися браками, плохим управлением капитала и любовью к более прекрасным вещам в жизни, она разорилась примерно в то же время, когда я начала сниматься. С тех пор я была ее дочерью, психотерапевтом, и самое главное, я стала ее банкоматом. Чтобы отплатить мне за мой тяжкий труд, она удочерила двух младших сестер ради меня: одну из Южной Кореи, Мэйко, а другую из Нигерии, Антигону. У них у обеих скоро начнется новый учебный год в Стэнфорде, но уверена, она им даже не звонит, пока ей что-нибудь не понадобится. Я люблю их обеих, но иногда задаюсь вопросом, почему мама даже не удосуживается поинтересоваться их жизнью. Теперь мы видимся чаще, нежели, когда были детьми, поскольку тогда я всегда пропадала на съемках.

– Амелия. Амелия?

– Что? Прости, – сказала я, убрав прядь волос за ухо.

Она взглянула на меня и приложила руку к моему лбу, держа бокал в другой руке.

– Ты выглядишь бледной. Амелия, клянусь, тебе лучше не болеть. Только не сейчас!

– Я в порядке, мама, – я убрала ее руку с головы. – Просто не ожидала, что ты так скоро вернешься. Что случилось с Клеманом и побегом в Париж?

— Ах, — она закатила глаза и направилась к дивану. — Кому нужны мужчины, когда моя дочь планирует сыграть выдающуюся роль?

Для меня это вроде тайного кода «он бросил меня».

— Мама, это едва ли моя выдающаяся роль...

— Все говорят об этом. Где сценарий? Я могу порепетировать с тобой слова, как и в старые добрые времена. Ох! Я слышала, что ты работаешь с тем сексуальным Ноа Слоаном? Разве вы не ненавидели друг друга, когда были детьми? Когда у тебя рейс? Фильм же не снимается в Лос-Анджелесе? Ты убедилась, что обработала все воском? Я знаю одну превосходную вьетнамку... благодаря ей ты снова будешь выглядеть, как десятилетний ребенок...

— МАМА! — заорала я, вскинув руки. Я уже на пределе. — Притормози. У меня все обработано. Рейс рано утром, так что, пожалуйста, дай мне немного свободы. Если мне что-нибудь понадобится, то я попрошу. Обещаю.

Она нахмурилась, перестав выпивать. — Ты хочешь, чтобы я уехала?

— Мама, просто...

— Нет, я все понимаю. Ты уже не ребенок. Я лишь хотела отпраздновать с тобой это грандиозное событие. Прости за беспокойство.

Она начала медленно собираться, взяв сумочку и обувь, и даже симулируя всхлипывания. Мне потребовалось все самообладание, чтобы не закатить глаза.

— Сейчас только девять. Можешь остаться еще ненадолго, — сказала я, поддавшись на ее ухищрения и сев на диван. Она улыбнулась и прижалась ко мне, словно мы лучшие подруги, собирающиеся поделиться каким-то секретом.

— Ты рада? Оливер, наверное, на седьмом небе от счастья, — спросила она и поднесла бокал к губам. Иногда легче согласиться с ней, чем спорить, поэтому я часто лгу.

— Да, я рада, так же как и Олли.

— Ты не переживаешь по поводу сексуальных сцен и всего такого в этом духе? Ты же будешь сниматься полностью обнаженной, да?

Я кивнула. — Да, но это неважно. Ты же всегда говорила, что все реально, если только я сама себе это представлю.

Она коснулась пальцем моего носа. — Видишь, как тебе повезло, что у тебя есть я? Большинство девушек запаниковали бы, но только не ты. Ты — профессионал. Благодаря мне ты стала такой, так что никогда не забывай об этом. Ты покоришь их сердца.

На самом деле я безумно переживаю, и от этого даже не очень хорошо себя чувствую. Но как я могу сказать ей это? И какой в этом толк? Ведь она никогда не слушает.

— Ты, правда, так думаешь, мама? Сомневаюсь, что благодаря этой роли получу хоть какую-либо награду, — я заставила себя улыбнуться, положив голову ей на плечо.

— И что с того? Да, у меня было уже несколько в твоем возрасте, но времена меняются. Это всего лишь дверь в нечто большее. Когда у тебя появится целая армия поклонников, ты внезапно снова станешь популярной. Никогда не позволяй людям переставать говорить о тебе, Амелия. Как только это случится, твоя жизнь фактически закончена. Но с этим ужасом тебе не придется столкнуться в твои двадцать два.

Мне двадцать пять.

— Знаю, — мне не хочется признаваться в этом, но я все равно согласилась. Она окинула взором мою квартиру.

— Ты не думаешь, что это место маловато? — спросила она, хмурясь.

— Мама, эта квартира составляет почти двести восемьдесят квадратных метров. Она итак больше, чем необходимо.

— Ну, если ты так считаешь. Но если захочешь вернуться в особняк, дай мне знать.

Вообще-то его купила я, интересно, почему же я должна заранее ее оповещать о своем приезде.

– Спасибо, мама.

Она погладила меня по руке. – Моя милая малышка. Я дам тебе немного отдохнуть. Помни, ты не никто. Ты – моя дочь, легендарная Амелия Лондон.

– Я никогда не забуду, – поскольку ты напоминаешь мне об этом каждый раз при встрече, но я чувствую себя какой угодно, но уж точно не легендарной.

Я встала вместе с ней и направилась к двери. Она отдала мне свой бокал и поцеловала в обе щечки на прощанье. Когда она ушла, я глубоко вздохнула и убрала бокал в раковину. У меня появилось желание тоже выпить бокал вина, но последнее, что мне нужно, так это напиться накануне вечером перед отъездом.

Все начнется завтра.

Ноа

Из всех женщин в мире, кто мог бы сыграть роль Блэр Хоторн, ею стала Амелия Грабаная Амелия. Черт побери!

– Я не могу сняться в этом фильме, – сказал я Остину, осматривая клуб. Понятия не имею, что ищу, пока не наткнусь на это.

– Ты, наверное, шутишь? – проорал он, перекрикивая музыку, и потянулся за бутылкой шампанского, стоящей посередине стеклянного столика.

Глядя ему в глаза, я отрицательно покачал головой. – Остин, вытащи меня из этого фильма.

– Нет.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что ты не можешь продолжать бежать от нее всю оставшуюся жизнь, Ноа. Тебе не кажется, что ты уже итак достаточно себя наказал? Прошло уже почти десять лет.

Выхватив у него бутылку из рук, я встал. – Ты не мой психотерапевт. Твоя работа заключается в том, чтобы делать то, что я захочу. И я не хочу сниматься с Амелией Лондон. Особенно в этом фильме.

– Ладно, но помни, что если ты откажешься, то найдется кто-нибудь другой. Кто-то будет с ней...

Проигнорировав его, я последовал за Дэниелом, который снял преграждающую ленту VIP-зоны от остальной части клуба. Я пробираюсь сквозь толпу, сам не зная, куда направляясь. У меня безумно трещит голова, такое ощущение, что она готова взорваться, правда, я не уверен, то ли это от музыки диджея, то ли виной всему стресс в данный момент.

Я – ужасный парень большинство дней в году, но когда дело касается Амелии, у меня всегда проявляются самые худшие стороны. Даже не знаю, имеются ли у меня вообще хорошие стороны, но знаю, что не хочу выяснять это, пока она находится рядом со мной. Даже сейчас у меня перед глазами всплывает образ ее лица: тогда ей было шестнадцать, светло-каштановые волосы были взъерошены, а ее голубые глаза были такими красными, что у меня возникло такое ощущение, что она пыталась выцарапать их с собственного лица.

Она задала мне лишь один вопрос: «Почему?»

Я не смог ответить. Я до сих пор не могу ответить на этот вопрос. Мне просто хочется выкинуть этот образ из головы.

Я последовал в туалет, бутылка, которую я нес в руке и про которую совершенно позабыл, выскользнула у меня, когда она задрожала.

– Чувак, какого черта? – завопил какой-то парень, оглянувшись на меня, и в то же время застегивая джинсы.

– Уйди, – прошептал я, схватившись за мраморную раковину.

– Что...

– УБИРАЙСЯ НАХРЕН! – заорал я. К счастью, прежде чем все стало еще хуже, Остин...моя личная тень... протянул ублюдку несколько купюр и подтолкнул его к двери. Он проверил каждую кабинку, чтобы убедиться, что мы остались одни.

– Тебе следует...

– Таблетки, – прервал его я.

– Ноа.

– Таблетки! – я протянул руку за ними.

Тяжело вздохнув, он вытащил таблетки из кармана пиджака и попытался высыпать их мне на руку, но я выхватил у него пузырек и насыпал больше, чем необходимо себе в ладонь и забросил их в рот. Я сглотнул их, даже не запив.

– Я не стану сниматься в этом фильме, – повторил я.

– Давай отвезем тебя домой.

– Я не могу, Остин, – он проигнорировал меня, закинув мою руку себе на плечо, чтобы помочь мне идти.

Я не осознавал, как сильно нуждаюсь в этом, пока мы не пошли. Перед глазами все расплывается, но меня это устраивает. В любом случае мне не хочется никого видеть.

Глава 3

Амелия

Съемки проходят в Чикаго, поэтому наш рейс был в четыре утра, но сейчас уже семь, а мы все еще на взлетно-посадочной полосе ожидаем никого иного, как Ноа Слоана.

– Он невероятен.

– Посмотри на это с положительной стороны, по крайней мере, ты успеешь прочесть книгу, – прошептал Олли. Он сидит напротив меня и листает роман.

Я откинулась на сиденье, открыв книгу на пятой главе, и как раз в этот момент вошел этот напыщенный засранец в солнцезащитных очках, одетый в темно-синие джинсы, рубашку и кожаную куртку.

– Мы так сожалеем за опоздание, – сказал его агент, идя рядом с ним. Ноа не проронил ни слова. Он сел рядом с Олли и сразу же откинулся на спинку сиденья. Ему плевать на продюсера, сидящего позади него.

– Ничего хорошего… – начала я.

– Амелия, – Олли наклонился ко мне и прошептал. – Что в нем такого, что он так задевает тебя за живое?

– Он просто ужасный человек. Это любого выведет из себя, – сказала я, чуть крепче сжав свою книгу. Я никогда не ходила в школу, но снялась в достаточном количестве сериалов и фильмов, чтобы знать, что у каждого в жизни присутствует хулиган. Ноа является тем самым моим хулиганом.

– К сожалению, мы не можем все быть принцессами, – Ноа зевнул и повернул голову ко мне. – Ты не умеешь шептать.

Не ввязывайся в перепалку. Ничто, что бы ты ни сказала, Амелия, не изменит его.

– Спасибо, что сообщил. Я поработаю над этим, – я притворно улыбнулась, а затем снова открыла книгу.

Он ехидно усмехнулся. Я попыталась сосредоточиться.

– Ты уже дошла до того момента, где Блэр отсасывает Дэймону прямо в машине? – спросил он, как только самолет начал взлетать. Я выронила книгу из рук, и это развеселило его. – Нет?

– Я еще в самом начале, – ответила я, наклонившись, чтобы поднять книгу.

– Мне следует отдать тебе должное, Лондон. Кто знал, что ты будешь настолько смелой, чтобы читать эротику перед людьми? Хотя, с другой стороны… забудь.

Я стиснула зубы. Как бы сильно он не изменился за все эти годы, теперь он стал еще хуже. Я схватилась за подлокотник, когда шасси самолета оторвались от земли, и не отпустила его, пока мы не оказались высоко в воздухе. Когда табло «пристегнуть ремни» погасло, Ноа встал со своего места, снял очки и склонился надо мной.

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Давай порепетируем, – сказал он и взглянул на Олли, негласно подав ему сигнал уйти. Олли незамедлительно встал и отправился в противоположную сторону личного самолета. Ноа сел напротив меня и потер свои усталые глаза вместо того, чтобы сосредоточиться на мне.

– Ты выглядишь так, словно бодрствовал всю ночь.

– Так и есть, – он подмигнул.

Закатив глаза, я схватила сценарий. – Кто на этот раз, модель компании Victoria Secret? Нет... две модели компании Victoria Secret?

– Ревнуешь?

– И не надейся, – усмехнулась я, – мне их жаль. Ты воспользуешься ими ради секса, а затем избавишься от них, как от использованных салфеток.

– Они знают, во что ввязываются. Я так же очередная засечка на их ремнях, как и они на моем. Не все такие скромницы, как ты, – его взгляд не отрывается от меня, такое ощущение, что он смотрит сквозь меня.

– Я не скромница.

– Ага, ладно...

– Разве ты не хотел порепетировать? Где твой сценарий?

– Просто начни с любой реплики, какой пожелаешь.

– Ладно, – пробормотала я, открыв сценарий на середине. – **«Ты когда-нибудь задумывался об уходе?»**

– **«И чем бы я занимался?»** – ответил Ноа, уставившись на меня.

Я поерзала на своем месте, но продолжила читать. – **«Всем, чем пожелаем? Мы можем поехать в Париж, Рим, Стамбул. Куда угодно, только ты и я...»**

– **«Ты так и не ответила на мой вопрос, Блэр. Я спросил, чем бы мы занимались, а не о том, где бы мы жили. Мы – воры – всегда были ими и навсегда останемся. Или ты завязала с этим?»** – я взглянула на него, когда он в точности произнес свою реплику, его голос прозвучал с нотками раздражения и уверенности.

– **«Дэймон...»**

– **«Ответь мне. Ты завязала? Если ты хочешь уйти, детка, тогда уходи. Но я не могу уйти с тобой. Это то, кем я являюсь до конца своих дней. Я больше ничего не умею. Да я и не хочу заниматься чем-либо другим. Две мои отрады в жизни: получать все, что пожелаю, и присутствие тебя в ней. Лучше я буду корить себя тем, что не смог уйти, чем злиться на тебя за то, что ты заставила меня бросить все это.»**

После этой сцены Блэр раздевается и начинает осыпать поцелуями всю его грудь.

Поэтому я перевернула несколько страниц к другой сцене и зачитала свою реплику.

– **«Что ты подразумеваешь под словами «что же я наделала?»?»**

– **«Я сказал тебе вырубить его, а не убить».**

Я замолчала, положив сценарий и взглянув на Ноа. – Ты запомнил весь сценарий?

Он, наконец, посмотрел на меня, находясь в замешательстве. – А ты разве нет?

Нет. Большинство своих слов, но не все, как он.

– Ты стала ленивой, – он закрыл книгу и передал ее мне. – Прежняя Амелия знала каждую строчку и даже слова других актеров, чтобы вовремя исправить их.

– Да, и ты называл меня раздражающей, либо просто высмеивал, – пробормотала я, посмотрев в окно. Облака витали в небе прямо перед нами.

– Я был ребенком.

– А какое оправдание у тебя теперь, когда ты стал взрослым?

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но затем передумал, и, глубоко вздохнув, спросил. – Когда ты прекратишь использовать прошлое против меня?

Когда оно перестанет причинять боль, даже просто при мысли о нем.

– А почему я должна? После всех этих лет не похоже, что ты стал другим человеком. Как и всегда, все должно быть по-твоему. Ты был ужасен тогда, и до сих пор ничего не изменилось, – рявкнула я, отчего обратила внимание нескольких человек на себя. Я улыбнулась им, а затем обратно сосредоточила все свое внимание на Ноа.

– Ты понятия не имеешь, каково это было встречаться с тобой, – сказал он, покачав головой, – какому всеобщему давлению ты подвергла мою жизнь тогда. Боже. У меня было такое чувство, что я не мог спокойно выйти из туалета, чтобы какой-нибудь блудок не сказал мне: «не разбей сердце Амелии. Не совершай глупостей. Как тебе

удалось заполучить Амелию?». Мне больше нравились времена, когда люди думали, что мы не можем быть вместе, поскольку видели, как мы играем брата и сестру. Встречаться с тобой было кошмаром.

— Что? — мой рот широко распахнулся. Он мог выстрелить мне в упор в лицо, и это ощущалось бы намного лучше, чем услышать эти слова.

Он нахмурился и пожал плечами, словно это ничего не значит для него. — Помнишь, сколько поклонников появлялось каждый день на съемочной площадке, и сколько родителей приводили своих детей? Ты всегда находилась в окружении парней, и все они пытались добиться тебя. Они все старались привлечь твое внимание. И вдобавок ко всему мы почти не видели друг друга. Наши отношения были обречены с самого начала. Единственная любовь, которая существует в Голливуде, так это та, что мы играем и продаем зрителям.

— И именно тогда ты подумал «эй, почему бы мне не прекратить все намного раньше?» Так вот почему ты изменил мне?.

— Теперь, когда ты знаешь, возможно, ты перестанешь ворчать на меня и сосредоточишься на своей работе, — он зевнул, откинулся на спинку своего сиденья и закрыл глаза.

— Надо же, — у меня просто нет слов.

— Давай уже объявили перемирие.

— Ладно, — ответила я, все еще размышая над его признанием. Оно не имеет никакого смысла, и это лишь еще больше разозлило меня.

Мне было шестнадцать! Он понятия не имеет, каково это проснуться однажды утром и обнаружить статью в газете о том, что он был замечен с какой-то моделью. У меня было такое чувство, словно земля ушла из-под ног. Я проплакала несколько дней. А сейчас он говорит мне, что это моя вина и мне давно пора смириться и забыть.

Взглянув на него и заметив, как вздыхается его грудь при каждом вдохе, на меня сразу же нахлынули воспоминания о том времени, когда мы были вместе. Он устроил мне сюрприз в моем трейлере, оставив конфеты «Мишке Гамми» — только красного цвета — и записку лишь с парой слов «Ты красивая».

Бrr, не хочу думать об этом!

Я вытащила наш график маршрута следования. Как только мы приземлимся, нас отвезут готовиться к фотосессии, сопровождаемой ужином с актерами и съемочной группой. На следующее утро мы отправимся на осмотр съемочной площадки, хотя в действительности в этот же день уже начнутся съемки. Сейчас март, а они хотят выпустить в прокат этот фильм на день Святого Валентина в следующем году.

Взяя планшет, я ввела в поиск интернета «Дэймон и Блэр». Самая первая ссылка вела на страничку поклонников, мечтающих о выходе фильма. Я не понимаю, почему все так безумно одержимы ими. Дэймон и Блэр — плохие люди, заботящиеся лишь друг о друге, и для них не имеет значения, кто может пострадать от этого.

«*Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь так же безумно любил меня, как Дэймон любит Блэр. Он готов умереть за нее*», написал один из блогеров. Прямо под его высказыванием ссылка на петицию о том, чтобы заменить меня. За ночь набралось еще три тысячи единомышленников. Прежде чем я успела забросить планшет обратно в сумку, я заметила ссылку на статью о Ноа.

Заголовок гласил: «*От Милого к Сексуальному, а затем к Грехному*».

На самой первой фотографии под словом «милый» изображены мы, когда еще были детьми. Его волосы немного длиннее и чуть светлее. Помню, мне всегда хотелось увидеть его блондином, но вместо этого они выгорали и становились теплого каштанового оттенка. Он всегда носил украшение с акульим зубом на шее. Здесь даже есть фото со съемок в его собственном телевизионном мини-сериале «Приключения молодого Кларка Кента».

Второй снимок под словом «сексуальный» со съемок на Гавайях, где он сыграл ребенка ниндзя. Он стоял на скале посреди пляжа с вытянутой рукой, сжатой в кулак, и с самым серьезным выражением лица. Я едва сдержала смех. Но это был его последний популярный фильм, где он сыграл главную роль. Другие фильмы провалились, после чего он в основном играл второстепенные роли.

Ну и наконец, последнее фото, олицетворяющее его как «грешный» взято с недавней фотосессии. Он одет в приталенный костюм. Ухмылка играет на его губах, и женская нога заброшена ему на плечо, в то время как другая женщина сидит у его ног. Здесь есть еще один снимок, где он запечатлен без рубашки с сигаретой, зажатой между губ и очками на глазах.

«Он сексуален и идеально подходит под образ Дэймона, но очень надеюсь, что он не облажается в этом фильме. Другие его фильмы полны отстой».

Я взглянула на него, как ни странно, но меня успокоил тот факт, что мы с ним находимся в одной лодке. Возможно, все это увенчается успехом?

Закатив глаза, я забросила планшет в сумку и вытащила сценарий. Я прочитала его за весь полет. На самом деле я даже не заметила, что мы приземлились, пока Ноа не проснулся и не встал, не сказав ни слова. Он достал телефон и забрал сумку, когда открылась дверь кабинки самолета.

– Вы не убили друг друга? – Олли подошел ко мне, когда я встала.

– По крайней мере, еще нет, – ответила я, выйдя вслед за ним. Нас ожидало два автомобиля. Однако Ноа уселся на мотоцикл, завел двигатель и умчался.

– Ладно. Мы едем в отель. Он недалеко, и там у вас первая фотосессия. Парикмахер и визажист уже ожидают тебя в твоем номере, – сказал Олли, открыв заднюю дверь машины для меня. – Я уже говорил, как сильно горжусь тобой?

– Лишь раз семьсот, – сказала я, улыбнувшись и открыв окно настежь. Я никогда не была в Чикаго.

– Что это? – я указала на объект бобообразной формы.

– Клауд-Гейт. Хотите остановиться... – предложил водитель.

– У нас нет времени, возможно, позже, – прервал его Олли прежде, чем мужчина успел даже договорить. И его «возможно, позже» в действительности означает «никогда».

Как бы ни было это странно, но несмотря на возможность посетить самые красивые места на планете в виду своей профессии актрисы, у меня на самом деле никогда нет возможности увидеть их. Между съемками, фотосессиями и отдыхом, время летит слишком быстро, и каждая минута, проведенная в том или ином месте, распланирована.

– Амелия, что желаешь поесть?

Бургер, картошку фри, мороженое и кусок шоколадного торта. Но лишь в моих мечтах.

– Суп и сэндвич с ветчиной, – сказала я вместо этого.

– Лучше только суп до окончания съемок. Из-за хлеба ты можешь набрать вес и будешь казаться толстой на фотографиях, – сказал он, уже отправив смс.

– Тебе виднее.

– И никогда не забывай об этом, – сказал он, смеясь, убрав телефон в карман пиджака. – Я разговаривал с режиссером. Мы оттянет более интимные сцены к окончанию съемок. Благодаря этому у вас будет время постепенно влиться в колею и привыкнуть чувствовать себя комфортно. К сожалению, их не избежать во время фотосессий.

Ноа Слоан будет целовать меня между ног. Никакой промежуток времени не заставит чувствовать меня комфортно.

– Мы приехали. Несколько поклонников узнали об этом месте, но здесь абсолютно безопасно, – сказал он, вручив мне очки.

– Кому следует поведать...

– Никому. Просто направляйся к отелю и не реагируй. Им все еще стоит принять вас в этих ролях.

Я надела солнцезащитные очки, как только водитель подошел и открыл дверь для меня. Олли ввел меня в заблуждение, употребив слово «несколько». По крайней мере, около ста женщин находились около отеля, удерживаемых охраной. И как только за мной захлопнулась дверь, тут же подъехал Ноа на своем байке. Они все слетели с катушек, выкрикивая его имя и делая снимки.

Он ничего не сказал. Ноа слегка помахал им и фальшиво улыбнулся, с легкостью прошагав по направлению к отелю.

– Ты не Блэр! – заорал кто-то, и внезапно что-то похожее на сахар прилетело мне в волосы, скатившись на блузку и даже попав в обувь.

– Амелия! – Олли схватил меня сбоку вместе с телохранителем и подтолкнул в отель.

– Кто-нибудь вызовите врача! Амелия, ты в порядке? – спросил Олли, встав передо мной и убрав сахар.

– Да, со мной все хорошо. Мне не нужен врач...

– Не веди себя как идиотка. Только Богу известно, что они могли добавить в это, – сказал Ноа, хмуясь, осмотрев меня с головы до ног.

– Не уж-то переживаешь?

– Я предпочел бы, чтобы ты ушла, осознав, что не справишься с этой ролью, а не потому что пострадала, – ответил он, направившись к лифту.

Уже что-то для нашего незначительного перемирия.

Когда я сняла ботинки, то сахар высыпался как песок из них. Я даже ощущаю его на груди, отчего у меня появляется непреодолимое желание засунуть руку под лифчик и оттряхнуть его.

– Думаешь, когда они смирятся с моей кандидатурой? – спросила я Олли, когда мы направились к лифту.

– Когда выйдет фильм.

Великолепно! Еще почти год до этого события.

Я сказала лишь «привет» женщинам, работающим в моем номере люкс. Абсолютно всё в нежно розовом, кремовом и белом оттенке – мои любимые цвета. Я начала свою подготовку с мраморной ванны, раздевшись и шагнув под воду. Это единственное место, где я могу побывать в одиночестве. Единственное место, где могу дышать, плакать или кричать.

Скатившись по гладкой стене, я села на пол и наслаждалась моментом уединения, пока горячая вода опаляла мою кожу. И словно он понял, что мне комфортно, Олли постучал в дверь. – Амелия, пришел доктор. К тому же ты не можешь оставаться там слишком долго, иначе твоя кожа пересохнет.

Тяжело вздохнув, я встала, выключила воду и схватила полотенце. Меня не могут оставить в покое даже на минуту.

– Амелия? Ты в порядке?

– Да, все хорошо. Я выйду через секунду.

– Прикройся. Я впущу ее к тебе.

– Я прикрылась, – сказала я, взяв еще одно полотенце для волос.

Когда дверь открылась, пожилая женщина в очках с толстыми линзами вошла внутрь, держа в руках сумку.

– Здравствуйте, мисс Лондон. Я – доктор Смитсон. Слышала, что кто-то бросил в вас сахар? Вам попало хоть немного в рот?

– Да, – я прислонилась к раковине, крепко удерживая полотенце.

– Вы испытываете недомогание или головокружение? – спросила она, посветив маленьким фонариком мне в глаза.

– Нет.

– Хорошо, я возьму вашу кровь и сделаю анализ на всякий случай, – объяснила она, вытащив шприц.

Олли показал мне жестом «все в порядке» и ушел, чтобы ответить на звонок. Я заметила, как еще шесть людей входят в номер. У меня перехватило дыхание, и мне стало трудно дышать. Но разве я не должна уже привыкнуть к такому?



— Ладно, открай глаза.

— Ого, — сказала я, приспособившись к наращенным ресницам, да и вообще всему своему новому облику. Все во мне источало сексуальность, начиная от красных губ и заканчивая дымчатым макияжем глаз. Они добавили чуть больше объема и волн моим волосам.

— Как тебе? Я добавила немного розового к дымчатому макияжу, поскольку это фишка Блэр в книге.

— Ты тоже поклонница? — спросила я, взяв бумажное полотенце, чтобы стереть помаду с зубов.

Она улыбнулась. — А разве не все ими являются?

Я начинаю осознавать, что так и есть.

— Вот твой первый наряд, — топ стилист приподняла короткое облегающее белое платье и розовые туфли на каблуках.

Я встала и шагнула в платье, а стилист натянула его на мое тело и застегнула. Я была рада, что не съела тот сэндвич с ветчиной на ланч. Платье облегало каждый сантиметр моего тела. Как только я надела туфли, она открыла дверь для меня.

В коридоре фотограф уже начал съемку. Ноа сделал вид, что вставляет свой ключ-карту в слот, его лицо частично было повернуто для фото.

— Амелия на площадку, — выкрикнул кто-то, и я встала по левую сторону от Ноа. На долю секунды его взгляд сосредоточился на мне, а затем последовала очередная вспышка камеры.

— Встань на черный крест, Амелия, — сказал фотограф, меняя объектив. Я перешагнула провода, а Ноа отошел в сторону, чтобы я встала перед ним около двери.

— Ты же знаешь, что все еще можешь уйти, — прошептал Ноа позади меня, и я мысленно показала ему средний палец.

— Амелия, я хочу видеть соблазнение. Ноа, расстегни ее платье.

Закрыв глаза, я попыталась подумать о чем угодно, что возбуждает меня. Однако, как только руки Ноа коснулись меня, мне уже было не зачем предаваться этим мыслям. Прошло слишком много времени с тех пор, как мужчина вот так прикасался ко мне.

— На твоей спине до сих пор звезды северного неба, — прошептал он, его рука коснулась голой кожи моей спины.

Под звездами северного неба он подразумевает веснушки у меня на спине. Ноа всегда говорил, что они похожи на них.

— Не наглей, — прошептала я и повернулась, испепеляя его взглядом.

— Мне нравится! Замри! — сказал фотограф, заставив нас смотреть в глаза друг другу еще несколько секунд. Ноа протянул руку и дотронулся моей щеки, прикоснувшись большим пальцем к моим губам. — Гениально.

Ни один из нас не проронил ни слова, и чем дольше я остаюсь так близко к нему, тем быстрее бьется мое сердце.

— Хорошо, Амелия, иди в спальню и сядь на край кровати. Ноа, оставайся у двери.

Я с удовольствием воспользовалась выпавшим шансом. Заходя в номер, я сделала вид, что снимаю сережки, а затем каблуки, позируя для фото.

— Отлично. Я хочу сделать еще несколько снимков в кровати в номере 4390, и мы закончим на сегодня, — фотограф встал, и сразу же пошел вдоль коридора.

– Снимки в кровати? – спросила я, когда вернулась моя команда визажистов, чтобы поправить помаду на губах. А другой стилист уже полностью расстегнула мое платье и накинула халат мне на плечи. Я не ожидала этого так скоро.

Они удивленно посмотрели на меня. – Да. Фотосъемка происходит в постели. Тебе нужен только лифчик без бретелек и трусики.

Прикусив губу, я кивнула. Встав, я последовала за ними по коридору к коричневым двойным дверям. Я увидела, по крайней мере, около двадцати человек в номере, когда они открыли дверь для меня. Но первым я увидела Ноа в темно-синих боксерах, а затем уже женщину, заканчивающую его фальшивую татуировку в виде римской цифры на его боку. Другая женщина придавала блеск его прессу.

– Амелия, хочу, чтобы ты легла на спину, – фотограф указал на кровать, а затем обратил внимание на мужчину, работающего со светом.

Сняв одежду, я залезла на кровать под простыню. Ноа располагается на самом краю кровати передо мной, а его пресс так идеально отточен. Татуировки, которые они нанесли – имя Блэр на его груди, корону рядом с его талией, римские цифры на боку – были настолько чуждыми для меня. В последний раз, когда мы были так близки, он не был таким… накачанным.

– Ладно, тестовые снимки. Ноа нависни над ней, – скомандовал фотограф.

Он кивнул, и как лев, собирающийся наброситься на свою добычу, пополз по кровати до тех пор, пока не оказался надо мной. Между нами была лишь простынь. И я снова почувствовала его запах. Он всегда пах как свежая ваниль, так умиротворенно и сладко.

– Амелия, мне нужно, чтобы ты сняла лифчик. Его видно из-под простыни. Где мой тридцати девяти миллиметровый объектив?

Мои глаза широко распахнулись, и я замерла на мгновение.

– Ты выглядишь остолбеневшей, – прошептал Ноа надо мной, – а как же кожа – это всего лишь кожа?

Я дерзновенно себя почувствовала, но все же села и расстегнула лифчик. Я сняла его и отбросила в сторону прежде, чем лечь обратно.

– Если ты так выглядишь во время фотосъемки, какой же ты будешь во время съемок фильма?

– Вы можете не…? – мне едва удалось вымолвить эти слова, поскольку мой голос задрожал. – Вы можете просто дать мне перерыв на несколько минут, пожалуйста?

Я глубоко вздохнула, пытаясь напомнить себе, почему я нахожусь здесь. Но у меня перед глазами продолжают стоять все эти лица в комнате.

– Амелия… Амелия, посмотри на меня.

Когда я взглянула на него, он прикоснулся лбом к моему, точно так же, как делал раньше.

– Что ты делаешь?

– Ты помнишь наш первый раз? – спросил он, не двигаясь с места.

– Ноа, это не…

– Ты забыла?

– Нет, – я нахмурилась, – помню, как невероятно смущалась и нер… в чем дело?

– Просто представь тот момент со мной, ладно? Вернемся в то время, когда были подростками, возбужденными, нервничающими и боявшимися попасться родителям после вечеринки. Вспомни, как мы чувствовали себя после этого.

Я улыбнулась. – Ты сказал, что хочешь заниматься этим каждый день.

Он ухмыльнулся.

– А ты ответила, что позволишь мне. Просто сосредоточься на этом. Здесь больше никого нет. Лишь наши более молодые, онемевшие от страха версии.

Сглотнув, я кивнула.

— Хорошо, тестовые снимки готовы. Вы оба, укутайтесь в объятьях друг друга. Чувственно и сексуально.

Изо всех сил стараясь не замечать фотографа, я сосредоточилась на Ноа, который протянул руки мне под спину и приподнял с кровати. Мои руки обвились вокруг его шеи, наши губы нависли друг над другом.

Я спросила себя: «что я сделала бы, будь мне шестнадцать?».

Я села на коленки. Он убедился, что притянул меня как можно ближе, чтобы скрыть мою грудь. Однако я почувствовала... его дружка... напротив живота. Твердого.

— Ноа, — сказала я, не сумев сдержать улыбку.

Он ухмыльнулся.

— Ну, что могу сказать? Я снова представил себя восемнадцатилетним парнем.

— Красиво, ребята. Амелия, обернись и ухватись за каркас кровати.

Я вцепилась в простынь и сделала то, что он просил. Как только я отпустила простынь, руки Ноа обвились вокруг моей груди, удерживая меня еще крепче.

— Амелия, продемонстрируй мне состояние оргазма.

Я все еще ощущаю Ноа напротив своей задницы, но в этот раз его грудь прижата к моей спине. Наклонившись, он снова прошептал. — Ты помнишь это? Как я погрузил себя глубоко в тебя, как громко ты выкрикивала мое имя, как обезжалась меня, как распахнулись твои губы, а пот стекал по всему твоему телу? Все думают, что ты хорошая девочка, Амелия, но я знаю еще одну часть тебя, о которой никто никогда не узнает. Даже благодаря этому фильму.

— Великолепно! Давайте сделаем несколько сольных снимков, а затем устроим перерыв, — фотограф вырвал нас обратно в реальность.

Как только он заговорил, Ноа отпустил меня и встал с кровати, оставив меня затаившей дыхание, возбужденной и дрожащей посреди кровати. Я сразу же прижала простынь к груди.

— Изящно, Амелия, — сказал фотограф, но я не могла отвести взгляда от Ноа, наблюдая, как он покинул номер, даже не оглянувшись.

Господи, помоги мне. Я хочу... хочу вернуться в его объятия.

Я хочу вернуть ту Амелию, о которой он шептал.

Что, черт возьми, не так со мной? Ноа и я были сплошным кошмаром.

Я не собираюсь принимать страсть за что-либо еще.

Ноа

— Что ты ей сказал? — спросил Остин, вручив мне бутылку воды, когда я вернулся в свой номер люкс.

— Ничего.

— Это не выглядело как «ничего»...

Как только я свирепо посмотрел на него, он, к счастью, заткнулся. Схватив пачку сигарет, я вышел на балкон, ожидая, что на улице так же солнечно, как и этим утром. Однако горизонт усыпан густыми темными тучами, и дождь льет, как из ведра без конца и края. Но я ничего не имею против. Я люблю...

— Идет дождь!

По левую сторону от меня, стоит не кто иной, как Амелия на собственном балконе с ослепительной улыбкой на лице. Макияж полностью смыв с лица, и она одета лишь в красный халат. Однако самое сногшибательное в ней, это ее улыбка, озаряющая ее лицо. Она нажала кнопку на перилах, и зонт, укрывающий балкон, закрылся. Вытянув руки, она соприкоснулась с водой, и спустя несколько секунд вода уже стекала по всему ее телу. Смеясь, она закружилась. Однако, как только Амелия заметила меня, то в то же мгновение остановилась, как вкопанная. Улыбка на ее лице угасла незамедлительно.

Она все еще так красива.

Ее голубые глаза метнулись в направлении сигареты между моих пальцев.

– Никто не захочет целовать кого-либо, кто пахнет как бездомный.

Я ухмыльнулся. – Они захотят, если им заплатят... как тебе.

– Амелия, ты совсем сошла с ума? – ее агент, Оливер, выбежал на балкон и стукнул ладонью по кнопке, чтобы снова открыть зонт. – Что я тебе говорил? Ты не можешь позволить себе заболеть.

Когда он увидел меня, то замер на месте. Кивнув ему, я развернулся и продолжил любоваться видом на город, выпустив облако дыма через нос. Я услышал, как он пробормотал ей что-то еще, а затем дверь закрылась за ними со щелчком. Темные тучи загромыхали, перемещаясь по небу, и я не смог удержаться от смешка.

«Но что за блеск я вижу на балконе? Там брезжит свет, Амелия, ты как день! Стань у окна, убей луну соседством, она и так от зависти больна...», прошептал я в никуда сам себе. (Примеч. Ноа цитируют строки из повести «Ромео и Джульетта»)

Глава 4

Ноа

— Гхм, — простонал я, перевернувшись и схватив подушку, чтобы прикрыться от света.

— У нас проблема, — заявил серьезно Остин.

Обыскав кровать, я нашел свой телефон. Когда я увидел, сколько, черт возьми, сейчас время на его экране, то едва переборол желание кинуть телефон в его голову.

— Сейчас три часа ночи. Мои проблемы могут подождать, — мой будильник установлен для съемок завтра на... подождите, *сегодня* на 5:45. Он украл у меня два часа сна.

— Твой отец в лобби отеля. Это не может подождать.

Я почувствовал, как мурашки пробежали по моей спине, и замер на мгновение, после чего лег обратно и положил телефон на прикроватную тумбочку.

— Разбуди меня через два часа.

— Ноа, ты же его знаешь. Он устроит сцену и не уйдет, пока ты не придешь.

Схватив пульт с тумбочки, я выключил свет в комнате.

— Хорошо, я разберусь, — вздохнул Остин.

— Тут не с чем разбираться. У него закончились деньги, поэтому заплати ему и скажи убираться отсюда, — пробормотал я, когда дверь закрылась за ним.

Прошло уже четыре месяца? Фрэнк как часы. Он всегда появляется каждый сто двадцать первый день. Неважно, сколько я ему дал. Ему всегда удается уложиться в это время. У него к этому талант. Он мастер, когда дело касается траты денег. Но попросите мужчину позаботиться о его собственных детях... черт побери, или даже зашнуровать свои чертовы ботинки... и он становится так же бесполезен, как муха. Я стал независимым в пятнадцать, и все же он мертвой хваткой вцепился в меня.

Тяжело вздохнув, я встал с кровати и направился к шкафу, схватив джинсы и синюю хлопковую рубашку, надел их, прежде чем выйти в гостиную. Остин оглянулся на меня, его телефон все еще прижал к его уху.

— Он в лобби отеля, — он повесил трубку и протянул мне небольшой пакет. Ведь Фрэнк не признает чеки. — Ты хочешь, чтобы я пошел...

— Я сам справлюсь.

— Ноа, — позвал он, когда я подошел к двери.

Я остановился, но не оглянулся, поскольку прекрасно знаю, что он собирается сказать. Но какой-то части меня все равно необходимо это услышать.

— Ты больше не тот ребенок. Не позволяй ему добраться до тебя.

Кивнув, я сделал лишь четыре шага и остановился прямо возле двери люкса Амелии, номера 2340. У меня нет желания стучать в дверь или увидеть ее. Если честно, то понятия не имею, что делаю, но мои ноги, словно приросли и не двигались с места. Так что я тихо стою возле номера, как какой-то сталкер, пока не осознаю, что мой «отец» не желает отправляться в ад.

Если бы она увидела меня, то, вероятно, хлопнула бы дверью у меня перед носом. Нет, она прокляла бы меня и затем хлопнула бы дверью у меня перед носом. Боже, у этой

женщины вспыльчивый характер. Мне до сих пор не верится, что она бросила в меня туфлю. Улыбнувшись от нахлынувшего воспоминания, я внезапно обнаружил, что направляюсь к лифту. В любом случае моя прогулка была недолгой, поскольку, как только двери открылись, я увидел, что сам дьявол ожидает меня там, одетый в байкерскую куртку, черную рубашку и джинсы. Он почему-то кажется выше меня, хотя мы с ним и одного роста, сто девяносто один сантиметр, а его тело более накаченное. Он сбрил бороду, оставив лишь густые усы. Его серовато-каштановые волосы подстрижены почти до плеч, а шрамы на лице все еще столь же заметны, как и всегда. Но этот запах, неприятная смесь бензина и алкоголя, преследует меня.

– А вот и мой мальчик! – его пьяное веселье отражается эхом в тишине коридора. Он крепко сжимает меня рукой, смотря на посыльного. Он еще ближе придвигается ко мне. – Что я тебе говорил! Это – мой сын! Ноа Слоан. Взгляни, мы можем сойти за близнецов?

– Да. Доброе утро, мистер Слоан, и вам тоже мистер Слоан, – молодой человек кивнул нам обоим прежде, чем нажать кнопку «закрытие дверей». Как только он уехал, я оттолкнул потные руки Фрэнка от себя. Споткнувшись, он упал напротив лифта.

– Ты… – начал он.

– Тебе сказали подождать в лобби.

Он фыркнул, отряхиваясь.

– Какой сын заставляет своего отца ждать в лобби? Я полагал, что ты спиши, поэтому подумал, что…

– Что ты подумал? Что ты подумал сделать, Фрэнк? ТЫ НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЕШЬ!

– черт… черт бы все побрал! Я только что кричал. Сделав глубокий вдох, я передал ему пакет.

– Пожалуйста, просто иди туда, куда шел, и оставь меня в покое.

Сегодня я не могу иметь дело с этим дерьмом.

– Мы давно не виделись, и это все, что ты хочешь сказать?

– Что еще ты хочешь, чтобы я сказал, Фрэнк?

Он нахмурился и открыл пакет.

– Сколько?

– Как и всегда. Двадцать крупными купюрами.

– Ты, должно быть, изdevаешься, малыш. Разве ты не участвуешь в новых съемках или что-то вроде того? Двадцать крупными купюрами? Я сказал твоей шестерке, что в этот раз мне необходимо, по крайней мере, семьдесят…

– Ну, у тебя есть двадцатка, ты можешь принять ее или отказаться, Фрэнк. Мы оба знаем, что сумма не имеет значения. Ты в любом случае все спустишь на ветер…

Он схватил меня за воротник. – Кто ты такой, чтобы так разговаривать со мной, малыш? Благодаря кому, думаешь, ты стал тем, кто ты есть? Если бы ты знал, через что мы прошли с твоей матерью, чтобы ты добился всего этого, то закидывал бы деньги лопатой в мою машину.

– Для начала тебе потребовалась бы машина для этого, – я сжал его запястье. – И я прекрасно знаю. Именно поэтому я даю тебе еще одну секунду, чтобы отпустить меня, или я сломаю твое гребаное запястье.

– Что ты сделаешь? – он прижал меня к стене. – Давай же. Хочешь наконец-то взять все в свои руки? Я слышал, что ты снова работаешь с той девчонкой. Вот, почему ты нашел свои яйца, да?

– Сукин сын! – усмехнулся я, вывернув его запястье и ударив его головой. Когда его захват ослаб, мне удалось один раз врезать ему, прежде чем внезапно появился Остин и начал удерживать меня. Другой охранник вместе с Дэниэлом тоже появились. Их присутствие нисколько не ослабило мой гнев. – Однажды, клянусь Богом, я…

– Что ты? Ты все тот же мелкий сученыш, что и всегда!

– Да, а ты все так же любишь брать мои чертовы деньги, ты гребаный кусок дерьяма! – я пытался оттолкнуть Остину, крича на него, пока, наконец, двери лифта не закрылись перед его лицом.

– Ноа! – закричал Остин.

– Отпусти! Я сказал «отпусти»!

– Ладно, Ноа. Хорошо, – он отступил, подняв руки в мирном жесте.

– Он не должен был находиться на этом этаже! – закричал я.

– Знаю. Это была ошибка, – ответил Остин.

– Я не могу допускать подобных ошибок! Он не должен был находиться здесь! – повторил я, в этот раз крича на посыльного и менеджера, которые держали свои рации.

– Чертовы идиоты... – мой голос пропал, когда я увидел ее, одетую в белый шелковый халат, ее волосы перекинуты на одно плечо, а руками она обнимала себя. Ее голубые глаза вглядывались в мои. Ее лицо не выражало никаких эмоций, когда я прошагал мимо нее.

– Найди мне другой отель, – сказал я как можно более спокойно, открыв дверь своего номера-люкс. Дверь даже полностью не закрылась позади меня, а мои руки уже начали дрожать. А затем дрожь молниеносно распространилась по всему моему телу. Обняв себя, я, медленно шатаясь, зашел в спальню, пытаясь добраться до тумбочки. Однако мои ноги подкосились, прежде чем я успел дойти.

– Ноа? Ноа?

Я лишился дара речи. Я попытался успокоиться, но не смог. Я не могу контролировать это. Меня всего трясет.

– Дерьмо, – сказал Остин, увидев меня, ринувшегося к тумбочке. Однако поднятая им бутылочка была пуста. Одна была в моей сумке... а другая в его.

– Черт возьми!

Похоже, мне придется самостоятельно преодолеть это затруднительное положение.



Я штудировала по второму кругу сценарий, когда услышала крики. Я не могла разобрать их. Стены звуконепроницаемы, но чем ближе я подходила к двери, тем громче они становились. Я сразу же узнала один из голосов. Когда я вышла в коридор, то поняла, что на самом деле никогда не видела злого Ноа. Раздраженного, равнодушного, отстранённого, да – но не в гневе! Это не похоже на него. Скорее всего, он проигнорировал бы вас, или, что более вероятно, ненароком оскорбил и ушел.

Он всегда был дерзким, отстраненным и сдержаным Ноа. Даже когда мы были подростками, он едва говорил, если у него не было какого-нибудь язвительного замечания. Теперь я не могла сопоставить образ мужчины, которого всегда знала, с тем, кого вижу прямо сейчас. Его лицо покраснело, слюна брызжет с губ, а менеджер приложил все усилия, чтобы его удержать. Он выглядел отчаянно жаждущим расплаты, желая причинить вред собственному отцу. Самое худшее в том, что его отец выглядел точно так же.

Я не смогла сказать ни слова, когда он прошел мимо меня. Никого больше не было в коридоре, но я все равно не смогла отвести взгляда.

– Ноа? Ноа? – услышала я звуки из соседней комнаты. – Дерьмо... черт возьми!

Это тебя не касается. Я прекрасно знаю это. Драма Ноа – лишь его драма. Мне хватает и своей. Но все же я продолжаю идти к его номеру-люкс и замечаю, что дверь открыта. Мое сердце так сильно колотится в груди, что мне становится плохо. Не знаю, что именно я ожидала увидеть. Однако, лежащим его на полу в спальне, явно не приходило мне в голову.

Словно переключатель сработал в моей голове, и я бросилась к нему.

– Ноа!

– Амелия? – его менеджер встал, чтобы вытолкнуть меня из номера.

– Отойди! – я стукнула локтем в какую-то часть его тела, попавшуюся мне под руку, и упала на колени перед ним. С неудержимой силой слезы текли из его глаз, в то время как все его тело дрожало, словно он замерз. – Что ты стоишь? Вызови врача...

– Я...в...по-ряд-ке, – сказал он сквозь стиснутые зубы.

– Заткнись, – сказала я. Он определенно не в порядке. – Тебе нужно...

– Это пройдет. У него закончилось лекарство. Он просто должен успокоиться, – прошептал Остин позади меня.

Ноа, идиот, еще и попытался улыбнуться, и если бы он мог, то сказал бы что-нибудь язвительное.

– Я собираюсь обнять тебя...

– Я...в...по-ряд-ке.

– Ну, я так не считаю, – я с трудом сглотнула. – Мне не нравится видеть тебя таким, так что я обниму тебя, а когда ты придешь в себя, то сможешь снова меня ненавидеть.

Разомкнув его руки, я положила одну на свою талию, а затем обвила руки вокруг его шеи, примкнув в его объятья. Закусив губу, я уставилась на подол кровати, стараясь изо всех сил игнорировать дрожание. Все его тело было таким холодным и напряженным. Могу только представить, насколько это болезненно для него, поэтому я обняла его еще крепче.

Ему необходимо успокоиться, но как? Что мне сказать? Он всегда любил поэзию и игры. Я попыталась что-нибудь вспомнить, но ничего не приходило на ум. Так что я решила попробовать одну вещь, которую делают все актеры. Я начала сочинять на ходу и молилась, чтобы это сработало.

Когда-то было самое радостное время

Перед самыми плохими временами.

Были только ты и я,

Молодые и глупые возлюбленные.

Никакие матери, отцы, сестры или братья,

Желающие нас разлучить, не могли этого сделать.

Они насмехались над нами, висящими на деревьях.

Мы целовались и обнимались,

А потом упали с этого дерева.

Так что остались только ты и я,

Плоды отравленного дерева.

Он не ответил, по крайней мере, не с помощью слов, но обнял меня еще крепче. И только тогда я поняла, что он перестал дрожать. Отодвинувшись, чтобы увидеть его лицо, я прикоснулась лбом к его, и его сине-зеленые глаза пристально смотрели в мои.

Я чувствую его возбужденный член между нашими телами так же отчетливо, уверена, как и он ощущает мои напряженные соски у своей груди. Воздух между нашими губами становится все горячее и горячее.

И все же ни один из нас не пошевелился.

– Позже не высмеивай мое стихотворение.

Уголки его губ приподнялись. – Обещаю, что не буду... но могу я высмеять его прямо сейчас?

Нахмутившись, я попыталась отодвинуться, но меня сжали в объятьях еще крепче.

– Я все еще дрожу.

– Нет, это не так. Ты лжец! – рассмеялась я, и он тоже.

До этого момента я не осознавала, как сильно скучала по его смеху и улыбке.

Хоч

Боже милостивый, соблазни меня чем-нибудь еще, только не ею.

Сидя в этом положении, я не мог отвести взгляда от нее. Белый шелковый халат, в который она одета, полностью распахнут. Ее ночная сорочка приподнялась, обнажив ее сливочно-белые бедра и изгибы прекрасной задницы. С каждым вдохом ее грудь вздымается снова и снова. Ее темные волосы раскинулись по ней. Она похожа на ангела, упавшего с небес с единственной целью: одарить меня синими яйцами.

Сдвинув одну руку под ее талию, а другую – под колени, я с легкостью поднял ее, изо всех сил стараясь игнорировать мурашки, пронесшиеся по спине. Когда я положил ее спящую в центр своей кровати, она пододвинулась на одну сторону и прижала колени к груди.

– Спасибо, – прошептал я, убрав волосы ей за ухо. – Я буду не в состоянии сказать это позже, но спасибо.

Я хотел поцеловать ее… я хотел намного больше, чем просто поцелуй.

– Черт… – прошипел я, когда член болезненно дернулся. Раздевшись в ванной, я даже не стал ждать, пока вода нагреется, а сразу же шагнул под душ. Моя кожа была такой горячей, что, уверен, пар поднялся от меня.

Я начал медленно поглаживать свой член, а затем увеличил темп, думая о ней, мой рот приоткрылся. Я отдал бы все, что угодно, чтобы прижать ее тело под своим, раскрыть те прекрасные бедра и погрузиться в ее влажную киску. Ее сексуальные ноги обернулись бы вокруг моей талии, продвигая меня еще глубже, пока я трахал бы ее так отчаянно и так тщательно, что ее спина приподнималась бы с гребаной кровати.

Я хотел услышать, как она умоляет меня о большем, когда я остановился бы и привязал ее к спинке кровати, ее гладкая задница была бы выставлена вверх, готовая для моих шлепков, пока не стала бы красной.

– Иисус Христос… – ахнул я, когда кончил, опустив голову под ледяной поток воды. Даже после всех этих лет, Амелия Лондон все еще мой криптонит, и она до сих пор не догадывается об этом.

Я не могу разумно мыслить в ее присутствии. Мое тело отреагировало само по себе рядом с ней. Как и мое сердце. Это мир Амелии, и я просто пытаюсь выжить в нем.

Схватив одно полотенце и обернув вокруг талии, а другое, чтобы вытереть волосы, я услышал, как дверь спальни открылась и закрылась. Я решил, что разбудил ее, и она сбежала. Однако открыв дверь, она все еще стояла в комнате, а ее ночная сорочка едва прикрывала ее тело. Волосы находились в полном беспорядке и были перекинуты за спину. Она выглядела забавно и грешно одновременно.

– Могу я воспользоваться твоей ванной, пожалуйста? – нежно спросила она, ее взгляд пропутешествовал от моего пресса к промежности, а затем обратно вверх.

Усмехнувшись, я скрестил руки и облокотился на дверной косяк. – Конечно, но я не уйду.

– Ах…убирайся, извращенец! – нахмурилась она, ее маленький носик съежился, пока она пыталась вытолкнуть меня.

Смеясь, я отошел с дороги, и она захлопнула за собой дверь.

– Не стоит благодарности! – выкрикнул я, улыбка появилась на моем лице. Я прекрасно знал, что она показывает мне средний палец или гримасничает по ту сторону двери, но это делало ситуацию только еще более забавной.

– Улыбнись еще шире, и твое лицо может сломаться, – сказал Остин, когда мы услышали, как включился душ.

Проигнорировав его, я направился к шкафу, зная, что он последует за мной. – Ты принес?

– Десять миллиграммов клоназепама... – прошептал он, дав мне две таблетки и бутылку воды. Я забросил их в рот и проглотил, не запивая. – Тебе следует умереть пыл, иначе у тебя опять случится приступ.

– Вот почему ты держишь запасную бутылочку, Остин, – ответил я, надев джинсы.
– Я выйду покурить. Убедись, что ее не будет здесь, когда вернусь.

– Почему? – спросил Остин.

– Что?

Он пристально посмотрел на меня, а затем спросил. – Почему ты просишь меня сказать ей уйти, когда хочешь, чтобы она осталась?

Ничего не ответив, я схватил куртку и ушел.

Амелия

Я могу отправиться в свой номер. Я должна. Это спасло бы меня от душевного смятения, но все же я не хочу уходить. И теперь из-за принятого мною решения я стою перед менеджером Ноа в его рубашке, поскольку мне не во что было переодеться. Я надеялась... не уверена, на что именно я надеялась, но точно не на это.

– Где он?

– Он вышел ненадолго. Увидимся на съемках. Если хочешь, я схожу и принесу что-нибудь из твоего...

Он ушел.

Через силу улыбнувшись, я отрицательно покачала головой в ответ на его предложение, потому что не доверяю своему собственному голосу. То, что его здесь нет, означает, что он хочет, чтобы я ушла. Он не желает меня видеть. Да, это именно тот Ноа, которого я слишком хорошо знаю.

Взяв свою ночную сорочку и халат, я пыталась идти с высоко поднятой головой, возвращаясь в свой номер. Остин молчал, поняв намек. Когда он закрыл дверь, я укусила костяшки пальцев.

Какого черта ты расстраиваешься, Амелия?

Тебе следует быть благоразумнее. Я стала благоразумнее, но все равно знакомое чувство отказа пробудилось в моей груди.

Тук. Тук.

Спустя секунду Олли рывком открыл дверь, держа телефон у уха.

– Где черт...

– Дай мне минутку прежде, чем начнешь кричать на меня, – прошептала я, войдя в номер и прислонившись к белой двери.

– Амелия?

– Еще одну минутку, – я подняла один палец вверх, смахивая слезы. Я сделала глубокий вдох, а затем повернулась к нему.

Я начала объясняться. – Я не спала с ним или что-либо еще. У него были трудные времена, так что...

– Так что ты пожертвовала своим душевным спокойствием ради его комфорта, – разочарование и печаль на его лице совсем не помогали мне прямо сейчас.

– Пустяки, правда. Он не просил меня приходить. Я пошла, поскольку мне стало любопытно, и должным образом была наказана за свой поступок. Теперь я могу продолжить собираться? – я не стала ждать ответа и обошла его, надеясь, что он не будет больше об этом говорить. Но последнее слово всегда должно оставаться за Олли.

– Амелия, Ноа Слоан есть и всегда будет тем, от кого невозможно ожидать ничего

хорошего. Разнюхивание о нем причинит тебе лишь боль.

– Знаю, – но когда дело касается Ноа, по-видимому, я становлюсь мазохисткой.

Глава 3

Амелия

— Снято, — тяжело вздохнул режиссер, подняв солнцезащитные очки с фиолетовыми линзами и сжав переносицу. — Амелия, почему бы тебе не сделать небольшой перерыв? Все остальные, давайте обыграем сцену двадцать пять, предложение Дэймона.

Унизительное положение: если кто-либо и имеет право защищать это дермо авторским правом, так это я.

Я знаю, что это было плохо, ведь даже Олли не сказал ни слова, когда я направлялась обратно к своему креслу. Он вручил мне мой телефон, бутылку воды и очки, потому что, по-видимому, я была столь ужасна сегодня, что он собирался придумать какое-нибудь оправдание.

— Она с похмелья или что с ней? — прошептал кто-то намного громче, чем требовалось. Но я не подняла голову и просматривала «Тамблер», поскольку не решилась зайти в «Твиттер». Мы находимся в Институте искусств Чикаго. Была закрыта только часть его, но готова спорить, что некоторым поклонникам удалось застать мое поганое выступление, и теперь у них появился еще один аргумент в пользу того, почему я не заслуживаю этой роли.

— Мотор! — снова закричал режиссер, я подняла голову и увидела женщину, одетую в обтягивающее красное платье и черные туфли на каблуках, стоящую около Ноа, одетого в приталенный серый костюм, жилетку и синий галстук. Вероятнее всего ему чертовски неудобно, но даже если и так, то он этого не показывает. С легкостью самодовольная ухмылка появилась на его лице, когда он наклонился ближе к ней.

— *«Как думаешь, сколько стоит эта картина?»* — спросил он ее.

Проведя кончиками пальцев по жемчужному ожерелью на шее, девушка притворилась, что задумалась.

— *«Вероятно, несколько миллионов?»* — предположила она.

— *«Неверно».*

— *«Столько же, сколько этот костюм?»*

— *«Все еще неверно, но мило»*, — сказал он, подмигнув. И мне стало любопытно, что почувствует Блэр, увидев их флиртующими в открытую.

— *«Ну, тогда, мистер Шоу, скажите мне. Сколько стоит эта картина?»*

Подняв руку, он указал на угол рамы картины. — *«Это сложный вопрос, поскольку картина бесцenna».*

— *«Бесцenna? Это невозможно».*

— *«Почему? Потому что находится в музее?»* — спросил он, повернувшись к ней лицом. — *«Ведь музеи не покупают искусство. Они покупают имена. Ван Гог, Моне, Матисс. Есть ли смысл или нет, красиво это или трагично — пока существует имя, имеющее значение в одном из этих четырех маленьких уголков, она «на вес золота».*

— *«Зачем вы мне это говорите?»* — спрашивает женщина.

— «*Затем, что вы поможете мне украдь имя. Я свяжусь с вами, мисс Больё*», — он вытащил свой телефон, как задумано по сценарию, начав разговаривать по нему, и ушел со съемочной площадки.

— Снято. Гениально. Мне понравилось то подмигивание, Ноа, — прокричал режиссер, встав с кресла, когда визажист подошел к женщине в красном.

— Не думаешь, что она потрясающе вписалась бы в роль Блэр? — та же самая сучка произнесла рядом со мной, только теперь даже не потрудившись сказать это шепотом.

Я заметила, что Олли отправился поговорить с ней, но покачала ему головой. Последнее, что мне нужно, так это разговоры о том, какая я бездарная актриса *и* дива. Вручив ему бутылку воды, я встала и ушла.

— Не позволяй никому заметить себя, — выкрикнул Олли, но я была полностью сосредоточена на своих мыслях. Любой увидевший меня сегодня человек, подумал бы, что это я та, кто поругался со своим отцом в коридоре и провел все утро, дрожа на полу своей спальни. Он ведет себя так, словно это никогда не происходило с ним, ничего из этого.

Все другие сцены я сыграла нормально. Но в тех, что с Ноа, я просто не могла сосредоточиться, и если я не могу отделить свою личную жизнь от профессиональной, тогда какая из меня актриса? Я всегда считала себя профессионалом. *Да, идиотка-профессионал.*

Достав телефон, я набрала номер одного из четырех человек, входящих в список моих контактов.

— Неужели это Блэр Хоутон, — рассмеялась Мэйко по ту сторону телефона.

— О, нет, и ты туда же! — простонала я.

— Все — грешники, — процитировала она слоган книги, а теперь и фильма.

— Разве ты не должна строить ракетное судно для НАСА или что-нибудь еще вместо того, чтобы читать непристойности? — ее мечтой было стать ракетостроителем, покорить космос и построить колонию на Марсе.

— Почему я не могу делать и то, и другое?

Хихикнув, я покачала головой. — Как поживаешь?

— Ну, великолепно, до тех пор, пока моя старшая сестра не позвонила мне в семь утра.

— Дерьмо, разница во времени. Прости, Мэйко.

— Все в порядке...

— Не в порядке, — пробормотал мужской голос по ту сторону телефона.

— Кто это был? — спросила я, находясь в недоумении.

— Причина, по которой мне не стоит читать непристойности, — засмеялась она, другие звуки сопровождали ее смех, от которых я стала чувствовать себя некомфортно. — Сестренка, я перезвоню тебе, ладно? Антигона бодрствовала всю ночь, так что я передам ей, что ты звонила, когда она проснется... Кевин... боже мой...ха ха!

Звонок резко обрывается, и я слишком ошарашина, чтобы что-то сказать.

— Bay, ты совсем не испытываешь стыда.

Обернувшись, я увидела мужчину, одетого в рваные синие джинсы, сланцы и черную рубашку. Он так яростно уставился на меня, что вы могли бы подумать, что я оскорбила его мать, отца и всех предков. Его волосы были собраны на затылке в пучок, а на лице была легкая щетина, которая выглядела так, словно отросла за день.

— Чем могу помочь?

— Извините, я прервал ваш телефонный звонок? Ведь я тут пытаюсь оценить произведение искусства, перед которым вы стоите... *до сих пор.*

Проследив за его пристальным взглядом, я увидела голубую картину, которой он так увлечен, и отошла вправо.

— Лучше, ваше величество? — сарказм слетел с моих губ, когда я практически поклонилась.

– Ну, теперь, когда вы отошли…

– Ты настоящая задница, – сказала я прежде, чем рассмеяться по какой-то причине. Сегодня я не могу вздохнуть спокойно.

Он рассмеялся и пожал плечами. – Это все о перспективе. Стою я тут молча, пытаясь наслаждаться Пикассо, как вдруг какая-то женщина в обуви, в которой она едва может ходить, начинает трепаться о непристойностях. И в довершение ко всему, она носит солнцезащитные очки в музее.

– Я могу ходить нормально, премного благодарна! – сказала я, сняв очки.

Он опять засмеялся. – Это единственное, что тебя волнует? Не грубое прерывание моего обзора и не разговор о непристойностях или очках?

Я кивнула, гордо скрестив руки. – Да, поскольку я могу исправить все остальное, но если я до сих пор не научилась ходить на каблуках в свои двадцать пять, то это уже не изменить, – как я и говорила ранее, я не могу сдержать свой смех и убираю волосы за ухо.

– Ладно, приношу свои извинения за то, что была…

– Задницей, – закончил он за меня.

У меня отвисла челюсть от такого заявления, но он все ждал.

– Ладно. Приношу свои извинения за то, что была задницей.

– Извинение принято. Я – Лео, – он протянул руку, а я попыталась вспомнить последний раз, когда мне приходилось представляться.

– Амелия, – я пожала его руку. Его ладонь была твердой, и я заметила следы краски и графита на ней. Не слишком далеко от окон лежал альбом для зарисовок. – Ты художник, Лео?

– Что меня выдало? А что ты делаешь в картинной галерее, если тебе не нравится искусство, Амелия? – спросил он, отходя забрать свою сумку и материалы для работы.

– Что заставляет тебя думать, что мне не нравится искусство?

Он приподнял бровь.

– Я бы не сказала, что мне не нравится искусство. Просто я никогда его не понимала. Я больше предпочитаю выражаться словами.

– Ты не думаешь, что в этой картине имеются слова? – он нахмурился, снова поднимаясь. Он встал передо мной, положив руки мне на плечи.

– Что ты…

Он повернул меня лицом к картине. – Что ты видишь?

– Мужчину, держащего гитару.

– Ладно, а что ты чувствуешь, когда видишь это?

– Я…

– Тсс! – прервал он меня.

– Ты только что…

– Тсс, – утихомирил он меня во второй раз, но уже смеясь. – Просто взгляни на нее. Представь, что это тот, кого ты любишь, и ты подошла к нему такому. Вы не проронили ни единого слова. А просто застыли в такой позе.

Наклонив голову в сторону, я сделала так, как он просил, пытаясь разглядеть кого-нибудь в изображении, но человек, которого я увидела, слишком сильно тревожил меня, чтобы продолжать смотреть.

– Что ты спросила бы? – тихо поинтересовался он.

– Почему ты такой голубой? – пошутила я.

– Верно, – ответил он со всей серьезностью. – Почему. Такой. Голубой? Из всех цветов, почему Пикассо выбрал голубой?

– Полагаю, ты знаешь причину.

– Да. Она была нарисована во времена его «голубого периода».

– Ты издеваешься надо мной, – засмеялась я.

– Нет, – сказал он, и я заметила, что он не отошел. Хотя я нисколько не возражаю. – В то время он боролся с депрессией. Некоторые источники говорят, что он даже

подумывал бросить живопись. Ничего, что он создавал, не казалось ему достаточно хорошим. Под этой самой живописью есть три других образа. Мне всегда было любопытно, каково это быть одним из величайших и самых влиятельных художников двадцатого века и идти в свою студию не единожды и не дважды, а трижды, и так безумно ненавидеть творение, созданное своими руками, что ты вынужден замазать все.

— Амелия? — мы повернулись в сторону входа, где стоял Ноа, безразлично уставившийся на нас. — Все тебя ждут.

— Черт возьми! Правда? — я помчалась к нему, но остановилась на полпути. — Было приятно с тобой познакомиться, Лео, и спасибо.

— За что? — спросил он.

— За то, что перечил мне.

— В любое время, — ответил он с ухмылкой на губах.

— Да, я нашел ее. Мы уже идем обратно, — сказал Ноа по телефону, все еще ожидая меня. Помахав еще раз Лео, я последовала за Ноа из галереи. — Ты не должна ходить одна.

— Почему? Потому что какой-нибудь сумасшедший фанат запрыгнет на меня в музее? Здесь меня никто не знает, — в течение нескольких минут я была просто Амелией, и мне понравилось это.

— Лишь потому, что кто-то говорит тебе, что не знает тебя, вовсе не означает, что так и есть. Ты должна нанять телохранителя.

— Я в порядке, папочка, спасибо, — пробормотала я шепотом. Мы повернули за угол, и я увидела, как вся съемочная команда стоит без дела. Хуже всего, режиссер был в бешенстве. Проверив телефон, я заметила, что прошел почти час с тех пор, как он сказал мне взять небольшой перерыв.

— Ты действительно пытаешься доказать всем свою правоту, да? — сказал Ноа, оставив меня одну перед ними.

— Амелия, вот, ты где, — голос Олли повысился на две октавы.

Черт возьми.

Ноа

Что, черт возьми, произошло?

Я не уверен, но у меня такое чувство, что виной тому тот парень — Лео, кажется, так она назвала его. Стоит оставить ее на несколько минут, и она привлекает чье-то внимание, как и всегда. Интересно, каково это — находиться в полном неведении об опасностях наших жизней. В любом случае человек, которым она была этим утром и та, кто она сейчас, совершенно разные люди. Поэтому что, черт возьми, произошло?

— Снято. Потрясающе, Амелия. Давай сразу перейдем к следующей сцене в хранилище, ладно? — режиссер вскочил со своего места. Все разбежались, как жуки, спешащие получить то, что им нужно. Они двигались очень быстро, скорее всего переживали по поводу того, что вдохновение, преобладающее в последнем выступлении, испарится.

— Отлично. Не возражаешь, если я хотя бы часть трюка выполню сама? — спросила она с широкой улыбкой на лице, опустив бутылку воды и последовав за ними.

— Да. Я имею в виду «нет». Конечно, но твой контракт...

— Я хочу, чтобы все выглядело максимально реалистично. Клянусь, что буду осторожна, чтобы не запороть все, что делаю, — заверила она.

Что? Я в полном замешательстве.

— Что ты сказал ей в этот раз? — прошептал Остин около меня, отчего я еще больше стал обескуражен.

Сжав челюсть, я занял свое место рядом с ней. Она не смотрела на меня. Вместо этого она просто сделала глубокий вдох, прошептала что-то себе под нос и сосредоточилась на камере перед нашими лицами.

– И... Мотор!

Обреченный.

– «*Дэймон, у нас есть две минуты и сорок девять секунд, прежде чем сработает сигнализация*», – она заглянула за угол, а затем вновь посмотрела на свои часы.

– «*Более чем достаточно времени*», – ответил я, медленно поворачивая замок.

– «*Именно это ты говорил в прошлый раз*».

– «*Эй! Мы достигли своей цели, не так ли?*»

– «*Как скажешь*».

Когда я сгримасничал ей, а она повернулась, то заметил, что режиссер улыбается.

Бип.

– «*Дэймон...*»

– «*Шшиш...*»

– «*Только попробуй шикнуть на меня снова*».

Встав, я посмотрел на нее. – «*Клянусь Богом, Блэр*».

Она не отступала. – «*Две минуты двадцать семь секунд. Мне сделать это, милый?*»

Подняв руки к ее лицу, я сжал их в кулаки, словно хотел задушить ее, а затем повернулся и принялся за дело.

– «*Так я и думала*», – сказала она, хотя этого не было в сценарии.

Ох, мы сейчас импровизируем?

– «*Продолжай трепаться, детка. Я припомню тебе это, когда ты будешь стоять на четвереньках и умолять меня трахать тебя сильнее*».

Она разинула рот. Ухмыляясь, я подмигнул ей.

– «*Две минуты...*»

Щелк.

– «*Я же говорил, что времени более чем достаточно*», – я открыл хранилище. – «*Теперь ты успеешь выполнить свою работу вовремя?*».

Сняв туфли на каблуках, она стала ниже на пятнадцать сантиметров. Вытащив перчатки из сумочки, она вручила ее мне.

– «*Не пялься на мою задницу*».

– «*Когда ты говоришь «не», ты же в действительности подразумеваешь все наоборот, да?*» – спросил я, протянув ей фальшивую скрученную картину.

Ухмыльнувшись, она взяла картину у меня из рук, а затем медленно нагнулась.

– «*Как же сильно я наслаждаюсь видом, Блэр...*»

– «*Тсс... это часть моего процесса*».

Я взглянул на ее задницу снова, а затем обратно в камеру и подмигнул.

– «*Дерьмо!*»

– «*Что?*»

– «*Каждый раздел имеет разный датчик давления*», – ответила она. Она присела, поглядывая на двери хранилища.

– «*Блэр, у нас лишь один шанс*».

– «*Знаю. Мне просто нужно подумать...*» – схватив ее за руку, я поставил ее на ноги, вынудив посмотреть мне прямо в глаза. Мои губы обрушились на ее, а руки схватили ее за задницу и притянули ко мне ближе, наши языки сплелись в танце.

– «*Выясни это. У нас есть чуть больше минуты*».

– «*Знаешь, когда ты так меня целуешь, я могу сделать что-нибудь...*» – ее большой палец скользнул по моим губам.

– «*Ладно. Теперь поторопись*».

— И снято! Прекрасно! — режиссер захлопал, и многие другие тоже. Однако даже я заметил взгляды, которыми одаривали Амелию.

Некоторые были обескуражены, другие впечатлены. Однако они были похожи на взгляды вожделения, что беспокоило меня больше всего, хотя я и не имел на это никакого права.

— На сегодня все. Завтра начало в шесть утра!

Она даже не взглянула на меня, а сразу небрежно направилась к Олли, бодро улыбаясь, словно хорошо сыграть в нескольких сценах, такое уж грандиозное событие.

— Что хочешь поесть? — спросил Остин, отправляя смс.

— Мисс Лондон? — звукорежиссер неловко обратился к ней. — Не возражаете, дать мне свой автограф? Я — поклонник.

— Он ведет себя абсолютно непрофессионально, — пожаловался я, в то время как она рассмеялась, подписывая его футболку.

— Что с тобой не так? Ты раздражен с тех пор, как вы оба вернулись. Что-то случилось?

— Нет. Пойду покурю, — сказал я, запустив руку в карман.

Что со мной не так? Я раздражен и возбужден от нашего с ней поцелуя, и вдобавок ко всему у меня ужасная головная боль, которая больше, чем сам штат Техас.

Прохладный воздух помог, когда я вышел на крыльце перед музеем, но лишь на мгновение, поскольку я увидел его... парня с конским хвостом и рваными джинсами. Он разговаривал с каким-то пожилым мужчиной у крыльца.

— Ноа, у нас все готово, — Остин подошел ко мне и проследил за моим взглядом. — Ты знаешь Лео Лемье?

— Кого?

— Художника, на которого ты уставился, Лео Лемье. Он недавно вернулся из Монреаля. Я видел его работы. Его называют современным мастером обнаженной натуры.

— О, Боже, мои ноги болят, — послышался голос позади меня.

Мне не нужно оглядываться, чтобы узнать ее, это Амелия.

Как будто в мгновение ока все замедлилось, и я ясно представил, что произойдет, если я отойду с ее пути. Она увидит его, а он заметит ее, и...

— Эй, я его знаю, — она остановилась рядом со мной, подняла руку и окликнула его.
— Лео?

Он огляделся, растерявшись.

— Лео! — она снова ему махнула, оставив всех нас... Олли, Остина и меня... и побежала к парню, которого никогда раньше не встречала.

Это был один из побочных эффектов юных звезд. Мы все лишины способности здраво мыслить и иногда вести себя как нормальные взрослые люди. В нашем окружении никогда не было много детей нашего возраста, только если мы не участвовали в съемках, и все всегда относились к нам хорошо, поскольку мы были знаменитостями. Мы могли делать все, что пожелаем, и разговаривать, с кем захотим, как будто мы знали их всю свою жизнь. Но хуже всего, большинство из нас стремилось познакомиться с новыми людьми... особенно Амелия.

— Эй, закончила слоняться по музею? — спросил он, помахав на прощание пожилому мужчине, с которым он был.

— «Слоняться» — грубое слово, ты так не считаешь? — спросила она.

Он пожал плечами, положив руки в карманы. — Я называю все так, как вижу. Так ты актриса?

— Как ты узнал?

Он, скорее всего, уже знал, как я, черт побери, и говорил. Уходи же, Амелия.

— Поскольку три человека пришли после того, как ты ушла, и спросили меня, откуда я знаю Амелию Лондон?

— Ты не собираешься остановить это? — спросил я. Оливер ухмыльнулся.

— Пока нет, все хорошо, — ответил Оливер.

Прекрасно. Как угодно.

— Я как раз собирался поужинать...

Спустившись по лестнице, я остановился прямо перед ними. — Амелия, мы идем перекусить...

— Ты здесь, чтобы снова ее украсть?

— Пойдем, — я проигнорировал его.

— Я в порядке, Ноа, спасибо. Мы не ели вместе в течение нескольких лет. Не понимаю, почему должны начать прямо сейчас, — сказала Амелия.

Сжав челюсть, мой пристальный взгляд переключился на него. — К сожалению, у нас съемка рано утром. Так что она примет твоё приглашение как-нибудь в другой раз.

— Это так?

— Нет. Я имею в виду «да». Но это неважно, я привыкла к этому, — объяснила Амелия.

— Серьезно? Поскольку ты ужасно выглядела, когда выползла из моей постели этим утром, — сказал я, вытащив свой телефон и увидев, как Остин написал мне не однажды или дважды, а несколько раз, спрашивая, что, черт побери, я делаю. *Хороший вопрос.*

— Это не... — начала Амелия.

— Не нужно ничего объяснять. Когда твоей сторожевой собаки не будет рядом, позвони мне. Мне бы хотелось еще немного поговорить с тобой, — сказал мужчина, вручив Амелии свою визитку и махнув на прощание, прежде чем подняться по лестнице. И как только он ушел, она шлепнула меня по руке со всей силой, на которую только способна. — Что с тобой не так? Ты можешь спать со всеми женщинами, которых пожелаешь, но стоит мне заговорить с одним парнем, и ты становишься мудаком?

— Ох,... ты хотела переспать с ним? — я съежился. — А я думал, ты хотела стать одной из его обнаженных моделей.

— Почему? Неужели это так невозможно, что кто-то еще хочет меня?

— Прости. В следующий раз я не стану лезть не в свое дело, — сказал я, подняв руки вверх в оборонительном жесте.

— Тыфу. Ты такой сукин сын! — она была так сердита, что выглядела так, будто снова хочет меня ударить, но вместо этого она зашагала к Оливеру, ожидающему ее около машины.

Когда Остин подошел ко мне, я почувствовал, что грядет нравоучительная лекция.

— Я знаю, что ты думаешь. Не говори ни слова.

Амелия

Закрыв за собой дверь, я на цыпочках вышла на балкон, так как Олли спит на моем диване. Я достала визитку из заднего кармана, пытаясь решить, стоит ли ему звонить.

Лео Лемье.

После быстрого поиска в «Google» я увидела все его... искусство.

«Пофиг» подумала я, набирая номер.

— Bonjour, qui est-ce? — ответил он на французском. (*Примеч. Bonjour, qui est-ce? — Здравствуйте. Кто это?.*)

— Привет, это Амелия из музея искусств, — великолепно. Просто прекрасно. Это лучшее, что я смогла ляпнуть?

— Амелия из музея искусств? Хм, простите. Это ни о чем мне не говорит.

— Не смешно, — сказала я, хотя сама улыбалась.

— Ох, *Амелия Лондон*. Прости. Не поверишь, сколько Амелий я случайно встречаю в музеях искусств.

— Ты художник или начинающий комик?

– Что могу сказать? Я – мужчина со многими талантами.

– Слишком поздно, чтобы принять твое приглашение на ужин?

Он замолкает, прежде чем снова заговорить. – А что насчет мужчины с неизменно хмурым выражением лица? Нет никакого смысла, если он опять появится из ниоткуда и украдет тебя, ведь так?

– Чтобы иметь право украсть меня, для начала им необходимо владеть мною. Он просто... старый друг.

– Ладно. Ты знаешь, где находится «Le Vieux Château Laurier»?

Нет, но я нисколько не возражаю, если он скажет это еще раз... еще множество раз. Его голос звучал так сексуально.

– Амелия?

– Да, я подъеду. Во сколько встретимся?

– Сейчас восемь, не против встретиться там через час?

– Хорошо. Тогда до скорой встречи. *Au revoir*, – это единственная фраза, которую я знаю на французском языке. (*Примеч. Au revoir – До свидания*).

– Не «*Au revoir*», а «à bientôt»... до скорой встречи, – ответил он, вешая трубку. (*Примеч. à bientôt – до скорого*)

Клянусь, что все звучит лучше на французском языке.

Глава 6

Амелия

Олли лежит на диване в окружении разбросанных бумаг. Он вырубился, что мне только на руку, ведь я собираюсь ускользнуть. Я изо всех сил стараюсь уложиться в сорок пять минут, успев принять душ, причесаться и нанести макияж. К счастью, выбранный им ресторан располагается не слишком далеко от моего отеля. Сначала я потянулась за туфлями на каблуках, но вспомнив его ранее произнесенное замечание, все же предпочла туфли без каблуков. Взяв сумочку, я улизнула из номера. Мне двадцать пять лет. Я не обязана ни перед кем отчитываться о своих перемещениях, но не хочу ругаться с Олли по этому поводу сегодня. Несмотря ни на что, я буду поступать по-своему.

«Слава Богу» подумала я, закрыв дверь.

– Прекрасно выглядишь, – послышался голос позади меня.

– Боже мой! – напугавшись, я вздрогнула и, обернувшись, наткнулась на Остина, одетого – конечно же – в костюм и галстук. Не припомню, чтобы когда-либо видела этого мужчину отдыхающим.

– Куда-то идешь?

– Да. Но это не твое дело.

– Не на встречу же с канадским художником?

– И опять же, не твое дело. Спокойной ночи, Остин, – повторила я, достав свой телефон и направившись по коридору в сторону лифта.

– Ты даже не заметила его, – сказал Остин.

– Что?

– Каждую ночь Ноа сидит на балконе и курит. Конечно же, ты не знаешь этого, поскольку никогда не выходишь. По крайней мере, ты не делала этого до сегодняшнего вечера, но ты так была увлечена разговором по телефону, что даже не проверила, – сказал он, догнав меня у лифта.

– Ну и что? Я должна испытывать угрызения совести? Ноа и я всего лишь партнеры по фильму. Он ясно дал это понять, так почему мне стоит утруждать себя проверкой...

– Потому что он проверяет тебя, – прервал меня Остин, словно мои слова не имеют никакого значения, – он проверяет, стоишь ли ты на балконе, каждый раз, когда выходит туда. Если твои шторы даже просто пошевелятся, язык его тела моментально меняется. И теперь, чтобы не погнаться за тобой следом, он в ванной пичкает себя таблетками.

– Почему ты рассказываешь мне это?

– Потому что ты хочешь это знать! – рявкнул он. – Ты хочешь знать, почему у вас не складываются отношения с ним. Ты хочешь быть рядом с ним, но поскольку не можешь, отправляешься в другое место. Вы оба были детьми, вынужденными стать взрослыми, а теперь вы взрослые люди, а ведете себя, как дети. Он самоуничтожается, ты вконец запуталась, поскольку не хочешь любить его и поэтому пытаешься полюбить кого-то еще. Я видел этот фильм раньше. Мы. Все. Видели. Этот. Фильм. Раньше. Так что хватит с меня этого, Амелия, спроси себя, где ты на самом деле хочешь находиться прямо сейчас. Сделай выбор. И не оглядывайся. Останься там.

Как будто он подгадал время, поскольку двери лифта открылись, Остин шагнул внутрь и глубоко вздохнул.

– Я слишком стар, чтобы разбираться с этим дерзом, – пробормотал он, и двери лифта закрылись, оставив меня в одиночестве посреди коридора.

Я должна сделать выбор. Номер Ноа или ресторан с Лео.

Я не знаю Лео так уж хорошо, чтобы выбирать. Но разве не в этом весь смысл? Я знаю Ноа, или, по крайней мере, знаю его достаточно хорошо, чтобы прекрасно понимать, что я не должна ни на секунду колебаться по поводу шанса попробовать что-то новое. Что угодно лучше, чем быть убитой горем из-за Ноа Слоана в очередной раз, ведь так?

«*Я здесь*», написал мне сообщение Лео.

Я уставилась на экран телефона, и казалось, что прошла целая вечность, прежде чем я отправила ответное сообщение. «*À bientôt*. (примеч. *À bientôt* – до скорого).



– Черт, – ерничал я. Мои руки так сильно дрожат, что я не могу открыть пузырек с таблетками. – Остин!

Никакого ответа.

– Остин… мне нужно… – крышка открылась, и таблетки рассыпались повсюду, но, явно не попав туда, куда требуется.

И именно сейчас Остин куда-то запропастился.

Рухнув на кафельный пол, я сжал пузырек в дрожащих руках, прижав ноги к груди.
Дыши.

Просто дыши.

Продолжай дышать. Ничто иное не имеет значение. Я просто должен продолжать дышать.

– Что произошло? – наконец-то Остин вернулся, но я не открыл глаза.

– Я промахнулся мимо рта.

– Не смешно, особенно учитывая, что мне пришлось сделать, чтобы заполучить эти таблетки, – пробормотал он, – я на самом деле думал, что она придет.

Это привлекло мое внимание. – Кто придет и куда?

– Я пытался помешать Амелии пойти…

– Зачем? Зачем ты так поступил?

– Поскольку ты все еще любишь ее, идиот, – он поднял две таблетки у столешницы и закинул их мне в рот. – И потому что знал, что это случится. Моя работа заключается в том, чтобы предоставлять тебе то, в чем ты нуждаешься, верно? Ну, ты нуждаешься в Амелии.

– Я в порядке.

– Ага, и прямо сейчас ты выглядишь именно так, – он помог мне встать с пола, и я облокотился на столешницу.

– Так значит, она пошла увидеться с ним, – сказал я. Мне была ненавистна сама даже мысль, что я переживал из-за этого так сильно, что спросил его об этом прямо сейчас.

– Да. Я застал ее опаздывающей, так что ей пришлось бежать…

– Простого «да» было бы вполне достаточно. Зачем она бежала? Она лишь выставит себя отчаявшейся. Боже мой, она актриса, получившая «Оскар». Если этот болван не дождался бы ее, то она не должна желать увидеться с ним.

– Тебе что-нибудь нужно? – спросил Остин.

— Я в порядке, — это было моим ответом на все вопросы, и прекрасно знаю, что это безумно его раздражает. Мои ноги стали ватными, и хотя я уже больше не дрожу, мои руки все еще ноют. Я хочу лишь поскорее лечь на кровать.

— Почему ты всегда говоришь, что в порядке, когда это не так? — послышался голос женщины.

Она здесь, сидит посреди кровати в ярко-желтом платье, ее туфли стоят сбоку, а в руке находится бутылка водки. Когда я повернулся к Остину, то увидел, что он ошеломленно уставился на нее, пребывая в том же шоке, что и я.

— Разве ты не должна быть на свидании? — спросил он ее.

— Да, — улыбнулась она, крутя бутылку за горлышко. — Самое забавное, он пришел вовремя с цветком для меня. Это мило. Нет, это романтично... или это было бы романтично, если бы я не наткнулась на твоего менеджера, промывшего мне мозги перед тем, как я отправилась к нему на свидание. Поэтому я задержалась в ресторане на минуту, купила бутылку водки и вернулась сюда... к тебе. Поскольку я гребаная идиотка. Итак, приступай.

Остин по-тихому попытался ускользнуть позади меня, думая, что я не замечу, но я позволил ему уйти. Я прислонился к стене напротив нее.

— Приступить к чему?

— К той части, где ты будешь издеваться надо мной. Где ты в одно мгновение добро ко мне, а уже в другое ведешь себя, как мудак, — она начала пить прямо из бутылки, ее воротило от запаха, а затем все ее тело встремилось, как у мокрой собаки, после чего она сосредоточила все свое внимание на мне. — К той части, где я влюбляюсь в тебя снова и снова, а ты отказываешься от меня. К этой части.

— Амелия, завтра будет...

— Остин сказал мне сделать выбор, и я выбрала. Я здесь. Я всегда здесь. Сколько лет прошло, Ноа? Как долго ты собираешься отталкивать меня? Я не могу ни с кем быть, пока не покончу с тобой. Поэтому ответь мне почему? Почему мы не вместе? Почему ты принимаешь таблетки? Прекрати быть сукиным сыном и уже наконец-то сделай выбор...

— Почему все так легко для тебя, будь то сказать или сделать что угодно, если ты этого хочешь? — я не хочу делать это прямо сейчас.

— Нет, ты не будешь упрекать меня в этом! — сказала она со слезами на глазах, сделав еще один глоток. — Я хочу знать. Ты... ты когда-нибудь любил меня?

— Амелия...

— Ответь на вопрос, Ноа.

— Амелия...

— Ответь на вопрос! — сказала она уже чуть громче.

— Я...

— Ответь...

— Да! — закричал я на нее. — Да, люблю, любил и всегда буду безумно влюблен в тебя. Мне всегда будет любопытно, чем ты занимаешься, и я буду ревновать к окружающим тебя мужчинам, поскольку ты единственная женщина, с которой я желаю быть, но никогда не смогу!

— Почему?

Я не ответил. Я не могу. Вместо этого я отвел взгляд в сторону, лишь бы не смотреть на нее. Однако она подошла ближе, обхватив руками мое лицо и заставив меня посмотреть ей прямо в глаза.

— Почему?

— Потому что я безнадежен, — прошептал я, не заботясь о том, что мои глаза жгло от того, как сильно я пытался сдержать слезы.

— Я тоже.

— Нет, — засмеялся я с горечью. — Ты глупая, неуклюжая, неуверенная, но ты не безнадежна. Ты никогда не была безнадежна. С самого начала это я тянул тебя на дно. Я

настолько сломлен, что даже не знаю, с чего начать, чтобы собрать себя по кусочкам воедино. Так что, как я могу иметь отношения с тобой, не говоря уже о том, чтобы любить тебя, если не могу любить даже себя? Я ненавижу Ноа Слоана.

Говорят: «правда освободит тебя». Однако от этого признания я не стал чувствовать себя ни насколько лучше, чем держа все в себе.

Она сократила расстояние между нами, прикоснувшись губами к моим. Ее грудь прижалась к моей, а руки погрузились в мои волосы и потянули их. На вкус она похожа на ириску, и я приоткрыл губы, желая вкусить ее еще больше. Я провел руками по ее бедрам и обхватил ее задницу под платьем.

– Чувствуешь себя лучше? – прошептала она, когда мы оторвались друг от друга, чтобы сделать глубокий вдох. – Если нет, то трахай меня до тех пор, пока тебе не станет лучше.

Она же не серьезно.

Однако, словно прочитав мои мысли, она отстранилась и сделала шаг назад, расстегивая платье. Ее голубые глаза ни на секунду не разорвали контакт с моими. И, словно находясь под гипнозом, я встал, расстегнув рубашку. Я облизнул губы при мысли о целовании ее кожи. Платье упало на пол, как и мой ремень. Она стоит посреди моего номера лишь в красном кружевном лифчике и трусиках.

Мы не должны этого делать. Я мог бы привести дюжину причин, но прямо сейчас я не могу здраво мыслить. Не рядом с ней в таком виде.

– Остановись, – потребовал я, когда она завела руки за спину, чтобы расстегнуть лифчик, – я хочу сделать это сам.

– Как пожелаешь, – ухмыльнулась она, опустив руки.

Если это сон, я собираюсь насладиться им на всю катушку. Взяв ее за руку, я развернул ее, расстегнул лифчик и снял его с ее плеч. Когда я обхватил ее грудь руками, она дернулась, тяжело дыша. Она запустила руки в мои штаны, схватив член, и у меня перехватило дыхание. Я видел желание и похоть в ее глазах, что в точности отражалось и в моих. Схватив за бедра, я приподнял ее, она интуитивно обхватила меня ногами, и я переместил нас на кровать. Я поцеловал ее, но в этот раз не так нежно, как она целовала меня. Этот поцелуй непристойный, влажный, страстный. Наши языки игриво атакуют друг друга.

– Ах... – простонала она в мой рот, трясь об меня.

Мои губы пропутешествовали от ее губ к щекам и челюсти, и она выгнула шею для меня. Ухмыльнувшись от ее жаждущего нетерпения, я нежно прикусывал ее кожу, прокладывая дорожку из поцелуев к груди до тех пор, пока розовый затвердевший сосок не оказался между моими зубами. Я поцеловал его перед тем как перейти к другому.

– Ноа...

Я провел языком вниз по ее животу, отчего ее дыхание участилось. Все ее тело задрожало подо мной, что завело меня еще сильнее. Разведя ее бедра, я приподнялся, чтобы видеть ее лицо, скользнув двумя пальцами в ее влажную киску.

– Ммм... – простонала она, выгнув спину.

– Если бы я поведал тебе обо всем, что хочу сотворить с тобой... – прошептал я, мое сердце бешено колотится в груди.

– Черт... Ноа, – выкрикнула она, когда я лизнул ее клитор. Она схватила меня за волосы, а я вцепился в ее бедра, придвигая ближе к своему лицу.

Боже, она изумительна на вкус.

Мои пальцы толкаются в нее в сочетании с языком. Она покачивается на мой рот, крепче притягивая меня за волосы. Она влажная для меня, и мне не хотелось прекращать вкушать ее... но я так чертовски тверд, что не могу больше ждать. Облизав губы, я встал. На ее теле слегка выступил пот.

– Ноа, пожалуйста,... ты мне нужен.

– И я весь твой, – всегда был.

Разместившись между ее бедер, я пытаюсь... боже я пытаюсь... войти в нее медленно. Но ее киска чертовски восхитительна. Я не мог ничего поделать с собой и резко толкнулся в нее, злорадная ухмылка появилась на моих губах, поскольку я почувствовал, как ее тело отреагировало и выгнулось ко мне. Ее ногти впились в кожу на плечах, а груди резко покачивались, пока я трахал ее. Я выплеснул весь свой гнев и разочарование на ее бедную киску, так сильно вколачиваясь в нее, что кровать двигалась и стучала в стену. Я чувствовал лишь запах ирисок и слышал лишь звук удовольствия и слияния наших тел. Она двигалась в такт каждому моему движению.

— Да! — выкрикнула она, и я приподнял ее с кровати, поставив на колени и насаживая на свой член.

— Ахх... это... так... чертовски... приятно! — воскликнула она, покусывая губы и вцепившись в меня. Она заглянула в мои глаза, а затем... дала мне пощечину.

На мгновение я замер и изумленно посмотрел на нее. — Сделай это снова.

Она ухмыльнулась, ударив меня по другой щеке.

Боль ощущалась превосходно.

Выйдя из нее, мой член пульсировал и поддергивался от потребности. Но я должен исполнить другое свое желание.

— Встань на колени, — не промолвив ни слова, она встала на четвереньки, выставив гладкую округлую задницу мне на обозрение.

— Так? — соблазнительно спросила она, наклонившись для меня еще сильнее.

— Тебе нравится быть отшлепанной так же сильно, как и хлестать меня? — я нежно провел рукой по ее заднице.

— Почему бы тебе не выяснить самому?

Кто это? Амелию, которую я помню, была так застенчива, когда мы впервые занялись сексом... хотя тогда ей было всего шестнадцать лет.

ШЛЕПОК.

Ее руки сжали простыни, а тело задрожало.

— Похоже, я получил свой ответ, — прошептал я, перекинув волосы ей через плечо.

Она с трудом сглотнула, сделав глубокий вдох. — Так что ты собираешься делать теперь?

ШЛЕПОК.

ШЛЕПОК.

— Трахни меня, — выкрикнула она, опустив голову. Я выводил круги на теперь уже красной заднице.

— Мы дойдем до этого, но я хочу посмотреть, сколько ты сможешь выдержать.

ШЛЕПОК.

Ее ноги дрожат под ней.

ШЛЕПОК.

Она тяжело дышит, ее тело приподнимается и опускается с каждым глубоким вздохом.

ШЛЕПОК.

— Сильнее.

ШЛЕПОК.

Я уже ощущаю боль в руке. Но она до сих пор не сказала мне остановиться. Ее задница уже настолько красная, и я был уверен, что к этому времени она будет умолять меня остановиться. Вместо этого она прикусила губу и взглянула мне в глаза, подздоривая сделать это снова.

— Еще.

ШЛЕПОК.

ШЛЕПОК.

— Ах! — выкрикнула она. — Пожалуйста... пожалуйста, трахни меня.

Ей не нужно просить дважды. Поцеловав оба ее красных полушария, я схватил ее за талию и толкнулся в нее, мои глаза закатились от удовольствия от того, насколько влажной и узкой она была для меня.

– Боже, ты потрясающая, – сказал я ей, толкаясь еще глубже и целуя ее спину.

– Так... хорошо, – сказала она, кончив для меня.

Все звуки исчезли, и я слышу лишь наши стоны и ворчанье.

Я не могу так большие.

Я тверд с тех пор, как она поцеловала меня. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы сдерживаться до сих пор.

– Охренеть, – проворчал я, толкнувшись в последний раз и наконец-то кончив.

Я рухнул на нее. Мы оба покрыты потом, а вокруг витает аромат нашего секса. Я не мог не задаться вопросом, что, черт возьми, я собираюсь теперь делать. Мне потребовалось почти десятилетие бессмысленного и беспорядочного секса, чтобы обуздить свое пристрастие к ней... и прямо сейчас я вернулся к самому началу.

Амелия

Перекатившись на живот, я знала, что он не спит, хотя ни один из нас не промолвил ни слова за последний час. Мы все еще лежим голые в его постели. Хотя у нас и был секс, но это не решило ни одну из наших проблем. Я хочу спросить его, как все это отразится на нас теперь, но боюсь ответа. Поэтому я решила спросить совсем о другом.

– От чего эти таблетки?

Он молчит, но мне все равно. У меня есть время. Наконец, он сел и тяжело вздохнул. Я могла услышать, что он сел, но не повернулась к нему лицом.

– Мне поставили диагноз «паническое расстройство» несколько лет назад, – прошептал он в темноту.

– Вот, почему ты находился в клинике?

– Я самостоятельно пытался завязать с таблетками, и это обернулось приступом. Мы подумали, что в качестве прикрытия лучше использовать...

– Пусть люди думают, что ты подсел на кокаин или еще что-нибудь.

– Панические атаки уж точно не сексуальны, Амелия.

Развернувшись, я сердито посмотрела на него. Он взял пачку сигарет с прикроватной тумбочки.

– Так ты готов позволить людям считать себя наркоманом, лишь бы поддержать образ плохого парня, – он такой идиот!

Зажигая сигарету, он пожал плечами. – Не вини меня. Вини общество.

Потянувшись к нему, я выхватила сигарету прежде, чем он успел сделать еще одну затяжку, но он схватил мою руку.

– Это помогает расслабиться, – серьезно сказал он.

– А также помогает появлению рака легких.

Он ухмыльнулся. – Не волнуйся...

– Лишь потому, что ты говоришь мне этого не делать, совсем не значит, что я не стану.

Тяжело вздохнув, он забрал сигарету и затушил ее об тумбочку. – Довольна?

Нахмутившись, я легла обратно.

В комнате опять повисла тишина.

Так много всего между нами, что трудно понять, с чего лучше начать.

– Почему ты ненавидишь Ноа Слоана? – спросила я, хотя безумно странно вести разговор о нем в третьем лице.

Он не ответил, но потянулся за очередной сигаретой.

Я не стала больше задавать ему вопросов. Я спокойно наблюдала за тем, как он голый курит рядом со мной.

Кто мы теперь друг другу? Понятия не имею.

Он причинит мне боль? Скорее всего.

Я все равно его люблю? Да.

А должна? Нет.

Но что я могу поделать? Ведь я прекрасно понимаю, что все это может выйти мне боком в любой момент. Я, в самом деле, мазохистка.

Глава 7

Амелия

Шесть.

Именно столько дней прошло с тех пор, как мы переспали с Ноа. Мне хотелось верить, что это просто совпадение, ведь на этой неделе мы снимались в разных частях города. Но это не чувствуется так. Такое ощущение, что он избегает меня. Он не покинул меня тем утром, как я ожидала, но ни один из нас не проронил ни слова. Мы просто встали и готовы были уйти, поскольку поздно проснулись. Олли уже ожидал меня за дверью, недовольный мною, но мне было плевать. Я ждала Ноа. Даже сейчас, когда мы наконец-то находимся в одной комнате, между нами витает напряженность. Я стою по другую сторону звукозаписывающей студии, наблюдая за тем, как они дают ему наушники вместе со сценарием, который необходимо озвучить. Он поднял бумагу перед собой, прочитав лишь раз и кивнув режиссеру, сидящему за микшерным пультом.

– Начнем, когда будешь готов, Ноа.

Наконец, его глаза метнулись на меня, и он замер, словно увидел призрака... или последнего человека на земле, которого ему хотелось бы когда-либо увидеть.

– Ноа? – произнес режиссер, находясь в смятении. Он взглянул на нас. Не желая отвлекать его, я попыталась уйти, но режиссер остановил меня. – Амелия, я хотел бы, чтобы ты послушала. В этом монологе Дэймон обращается к Блэр. Это поможет уловить твою реакцию сразу после этого, поэтому отправляйся туда.

Я вновь взглянула на Ноа, но он уже не смотрит на меня. Внутри помещения он надел наушники, пока звукооператор протянул мне мои. Я встала напротив него, теперь микрофон – единственная вещь, находящаяся между нами. Откашлявшись, он начал.

– Самая страшная маска, которую ты когда-либо увидишь, это мое лицо, с которым я родился. Да, это правда. Я никогда не мог мечтать по ночам, пока не встретил тебя. Вокруг меня не было ничего, кроме тишины под пристальным взглядом полной луны, зависшей в центре тьмы. Ветер не вился. Тучи никогда не сгущались. Звезды были скрыты... а затем появилась ты, и мне не были нужны звезды, поскольку ты похожа на солнце. Но чем дальше я оставался рядом с тобой, тем тусклее и темнее становилась ты. Мои демоны стали твоими демонами, потому что ты безумно старалась спасти меня, хотя было предельно ясно, что мне суждено утонуть, – он сделал паузу, стиснув челюсти. Его руки сжали небольшую трибуну между нами. Он продолжил. *– Ты подобралась слишком близко, и теперь я причиняю тебе боль, хотя не хочу этого. Ты не можешь больше быть вовлеченней в это. Так что, хотя я и обещал этого не делать, хотя и не хочу этого, я отпускаю тебя, потому что должен. Ты всегда будешь запечатлена в моей памяти, выточена в моей душе и владелицей моего сердца Аме... Блэр Каллиона Хоторн.*

Когда он закончил, я выдохнула воздух, удерживаемый в легких. Это обращение не ко мне. Он разговаривает не со мной. Однако, пока он не произнес имя Блэр, я рассматривала его лишь, как Ноа перед собой.

– Ноа, не против повторить последнее предложение?

Кивая, он зажал переносицу пальцами, глубоко вздохнул и повторил свою реплику.

– *Ты всегда будешь запечатлена в моей памяти, выточена в моей душе и владелица моего сердца Блэр Каллиона Хоторн.*

– Идеально. Теперь, Амелия, ты только что получила письмо от Дэймона. Мы в самом конце фильма, так что ты обращаешься не к нему, а к зрителям.

Мне пришлось взять листок, чтобы перечитать еще раз. В моей голове снова не осталось ни одной строчки сценария.

Да пошло все к черту!

– Зейн, – сказала я, отодвинув наушники.

– Да? В чем дело, Амелия?

– Не возражаешь, если я немного отклонюсь от сценария? Я просто не чувствую, что Блэр ответит именно так. Я могу сделать сценарную версию чуть позже, если тебе не понравится, – сказала я, не отводя взгляда от Ноа. Он приподнял бровь, словно готов прыснуть со смеху то ли от веселья, то ли от смущения.

– Хорошо, действуй.

Кивнув, я попыталась найти уверенность, отсутствующую у меня в связи с невежественным забыванием слов, и выпрямилась. Однако я не могу сделать этого, смотря ему в глаза, поэтому я закрыла их и начала.

– *Какой же он красноречивый сукин сын, не так ли? Он хочет рассстаться. Ага, конечно! Я не в обиде. Я пыталась оставить этого глупца в течение многих лет. В конце концов, я способна находиться в одиночестве. Вы слышали его: я – солнце! Я сияю ярче любого другого гребаного человека. Почему никто никогда не удосужился спросить солнце, нравится ли ему им быть? Нравится ли ему, что планеты всегда врачаются вокруг него и никогда рядом с ним, наслаждается ли оно тем, что из-за того, что оно такое горячее, ты можешь любить его только на расстоянии. Что хорошего быть гребанным солнцем, если ты один в небе? Я покончила с этой аналогией. Не стоит навешивать ярлыки на меня. Не делай выбор за меня. Если ты любишь меня, то люби, даже если мы разрушим друг друга! Именно это я собираюсь сказать ему, когда увижу. Я не знаю, как далеко ему удалось уйти, но между мной и Дэймоном есть кое-что общее – мы всегда идем по одной дороге. Иногда мне приходится поспешить, чтобы догнать его... но я всегда догоняю.*

Когда мои глаза открылись, Ноа уставился на меня, но не так, как раньше. Он не был смущен или весел. Не уверена, какой он сейчас, но он не отводил взгляд.

– Амелия... это было впечатляющее, – ошеломленный голос режиссера прозвучал мне в ухо.

– Спасибо. Есть что-нибудь еще?

– Нет. Осталось снять лишь сексуальные сцены, – напомнил он нам. Олли договорился, что мы оставим эти сцены напоследок, и вот мы наконец-то добрались до них.

– Ладно, я отдохну до съемок. Всем спасибо, – сказала я, сняв наушники. Я схватила сценарий, не глядя на него. Я просто ушла. В любом случае мы не могли там поговорить. Я планирую снова прийти к нему в номер сегодня вечером.

Я не ожидала, что он выйдет вслед за мной в коридор.

– Амелия, – он схватил меня за запястье, развернув к себе лицом, – подожди, я...

– Амелия! – позвал другой голос.

О, нет... нет. Нет. Нет. Я узнаю этот голос где угодно.

– Мама? – я оглянулась. Она привлекает внимание, как свинья среди волков, одетая в ярко-зеленое коктейльное платье с белыми перчатками и солнцезащитной шляпкой, хотя на улице сентябрь.

– Амелия, милая! – она подошла ко мне и притянула в свои объятья.

– Мама, что ты здесь делаешь? – почему? Ведь я сказала ей не приезжать. Я практически умоляла ее. Мне стоит быть осмотрительнее.

— Ох, я соскучилась по тебе и к тому же... — ее голос затих, как только все ее внимание сфокусировалось на Ноа. — Не уж-то это маленький Ноа Слоан. Ладно, вероятно, совсем не «маленький», — ее глаза пропутешествовали по всей длине его тела. Она была похожа на собаку, уставившуюся на кость.

— Мама!

— Я просто шучу... господи, — повернувшись к нему, она спросила. — Как ты, Ноа? Прошла целая вечность.

— Я в порядке. Амелия... я... гхм... тебе и твоей матери необходимо провести вместе время. Съемки в девять, тогда и увидимся, — он потер заднюю часть шеи, и мне захотелось рассмеяться, поскольку это напомнило мне его в прошлом. Он никогда не знал, как поговорить со мной в присутствии мамы. Он либо был очень вежлив, либо просто сбежал. Но я не виню его. Если бы я могла, то тоже сбежала.

— Отлично! — мама хлопнула в ладоши. — Амелия, давай устроим день-спа.

«*Давай не будем*», хотелось мне сказать. Однако я пошла с ней, хотя и желала уйти с ним.

— Ты же не встречаешься с ним снова, да? — спросила она, взяв меня под руку.

— Что? — я остановилась прежде, чем мы подошли к двери.

— Олли сказал мне, что тебе приходится нелегко...

— Почему ты разговариваешь с Олли?

— Я просто позвонила, чтобы узнать, как ты...

— Позвони *мне*! — сорвалась я, вытянув свою руку из ее хватки. — Если ты хочешь узнать, как я, Мама, то звонишь *мне*, а не моему менеджеру или кому-либо еще.

— Милая, — она одарила меня злобным взглядом, снова взявшим за руку. — Люди смотрят. Не устраивай сцен. Я не хотела тебя беспокоить. Знаю, что ты напрягаешься каждый раз, когда я рядом, поэтому подумала, что Олли — лучший вариант. Кроме того я — твоя мать. Разве не ты должна звонить мне? Мне жаль, ладно? Я очень скучаю по девчачьим штучкам с тобой. Это удручет. Ты слишком быстро выросла, — добавила она, вытирая уголки глаз.

— Прости. Я просто не знаю, в какой момент ты моя мама, а в какой — еще один менеджер.

— Милая, я всегда твоя мама. А теперь перестань хмуриться. Ты заработаешь себе морщины, и как потом ты найдешь работу?

— Мама!

— Шучу! Я просто шучу! — она засмеялась, притянув меня в свои объятья. — В какой-то мере.

Закатив глаза, я обняла ее в ответ. Она полезла в сумочку и вытащила солнцезащитные очки в белой оправе в форме «кошачий глаз». Она выглядела так нелепо, что я рассмеялась, но смех вместе с ней поднимает настроение.



Не смотря на то, что я сказал ей, когда мы впервые встретились спустя столько лет, я никогда не думал, что она не сможет сыграть роль Блэр. Я просто никогда не хотел видеть ее в этой роли по нескольким эгоистичным причинам.

Во-первых, я не забыл ее. Съемки в одном фильме лишь усугубили бы ситуацию для меня... и я был прав.

Во-вторых, ни при каких гребаных условиях меня не устраивал тот факт, что кто-то еще увидит ее голой.

В-третьих, у меня с Дэймоном похожие желания, поэтому это не будет игра роли для меня. Как только я увижу ее, то буду не в состоянии рассматривать ее, как Блэр Хоторн.

Я знаю, где находится каждая веснушка на ее теле, и запомнил каждый изгиб ее тела. Когда дело касается секса, я едва могу себя контролировать. Теперь, ради фильма, я собираюсь делать вещи, о которых только мечтал сотворить с ней.

Режиссер заявил, что хочет, чтобы это было сделано изящно, а не олицетворяло собой порнографию. Но это лишь доказывает, насколько он наивен. Он считает, что связав ее, наказав, поцеловав и вкусиив каждый миллиметр ее тела, можно представить все это изящно? Секс не изящен. Секс, если ты все делаешь правильно, олицетворяет порнографию.

— Ноа... уже девять, — Остин открыл дверь моей комнаты. Съемки в этом же отеле, только в номере пентхаус.

— Как твое самочувствие?

Взволнован оттого, что она будет в моей власти.

Раздражен из-за того, что другие увидят ее.

Так чертовски запутался.

Но «в порядке» единственное, что мне удалось произнести. На подсознательном уровне, пока мы ехали в лифте, я представил ее лицо и недовольный взгляд, направленный на меня оттого, что я снова ответил «в порядке». Но что еще я мог сказать? Никого никогда не интересовал правдивый ответ. Никого, возможно, за исключением ее.

— Номер пентхаус, — прозвучал механический голос, и двери лифта открылись. Я ожидал, по крайней мере, около дюжины человек. Однако здесь оказались только режиссер, медсестра, две камеры и звукооператоры, визажист и менеджер Амелии.

— Как и обещали, мы оставили как можно меньше членов съемочной группы, — заявил режиссер Оливеру.

— Я тоже удаляюсь. Если ей что-нибудь понадобится, пожалуйста, передайте ей позвонить мне, — ответил Оливер, оставив маленькую сумку, бутылку воды и ее любимую жвачку на стуле. Он проигнорировал меня, проходя мимо, кивнув только Остину, прежде чем войти в лифт.

— Амелия готова?

— Да, — сказала она, появившись, предполагаю, из ванной с другой стороны гостиной. Она одета в белый хлопковый халат. Ее темно-каштановые волосы спадают волнами на плечи. Темно-розовая помада и светлые тени для век, фишка Блэр, выставили ее менее милой — какой я всегда ее знал — но очень сексуальной.

Режиссер сделал шаг вперед. — Амелия, если ты почувствуешь себя неловко в любое время...

— Использовать стоп-слово? — ответила она.

— Амелия. Серьезно, — сказал я ей.

Она убрала прядь волос за ухо. — Ребята, спасибо, я поняла. Ладно. Давайте начнем. Если повезет, мы сможем снять это с одного дубля.

— Хорошо, все по местам, — сказал режиссер.

Сняв рубашку и бросив ее в Остина, я подал ей руку, но она проигнорировала ее. Вместо этого она гордо подняла голову, нацепила улыбку на лицо и отправилась в спальню. Такая же уверенность у нее была сегодня утром, когда она выступила с одним из лучших монологов, которые я слышал за последнее время. Даже сценарист не возмутилась. Она лишь задалась вопросом, почему сама не смогла придумать такое.

— Это сцена двенадцать, Дэймон связывает Блэр, — заявил режиссер, когда кто-то подал мне красную веревку.

— Надеюсь, у тебя есть опыт, — сказала она, развязав пояс халата. Одним легким движением он упал на пол.

Боже... я не могу этого сделать. Инстинктивно я встал перед ней, заслонив ее своим телом. Это сработает лишь до тех пор, пока не начнутся съемки, но все же.

– Так это «да» или «нет» по поводу практики? – ненароком спросила она. Однако мой взгляд прикован к ее груди, отлично помня, как идеально они вписывались в мои ладони всего несколько дней назад. – Ноа?

– Да... я делал это раньше, – ответил я. *Черт возьми. Я не хотел ей рассказывать об этом.*

Прикусив губу, она кивнула, и я заметил, как тревожно приподнялась ее грудь. Сократив расстояние между нами, я обхватил ее лицо руками.

– Никого нет в комнате кроме нас, да? – прошептала она.

– Да, никого, но мы... – согласился я.

– Амелия, как только мы начнем, просто следуй указаниям помощников режиссера, – прокричал режиссер, и мне захотелось выбить все дермо из него.

– Игнорируй его и подчинись мне, ладно?

– Так, значит, просто продолжать делать то, что уже делаю? – спросила она, хихикая.

Положив руки ей на плечи, я медленно развернул ее.

– БДСМ – это не боль. Это удовольствие. Ничего из этого не должно причинять тебе боль или заставлять чувствовать себя испуганной. Но сначала это будет ощущаться странно. Чем больше ты доверяешь, тем лучше это будет ощущаться.

– Мотор.

Вся моя сдержанность исчезла с этим словом.

– **«Что я собираюсь сделать с тобой, Блэр?»** – прошептал я, встав на колени около нее, убрав ее волосы в сторону и поцеловав ее шею.

– **«Зачем задавать вопросы, на которые ты уже знаешь ответ?»**

Опустив ее на колени и заведя ее руки за спину, как предусматривает сценарий, я отступил, сделав вдох через нос, пытаясь успокоиться – но это было безнадежно. Изгиб ее спины, задницы, всего ее тела сделали меня твердым.

Сомкнув ее запястья, я продел веревку между ними, игнорируя перемещающуюся камеру, фокусирующую на каждом моменте. Ее тело выгнулось вперед, и я продел веревку выше, закрепив узлы и продолжив.

– Ох... – ахнула она, но я не остановился.

Амелия и Блэр обе знали свои стоп-слова.



Я никогда не чувствовала ничего подобного за всю свою жизнь.

Моя кожа столь же горяча, что и огонь, и я не могу прекратить стонать.

Я не могу пошевелиться. Мои руки и грудь связаны, но это было нечто большее: это ощущалось, как будто все мое тело искусно находилось под его жестким контролем.

– **«Ты не представляешь, как прекрасно сейчас выглядишь»**, – сказал он, расслабившись в кресле передо мной. В одной руке он держал бокал шампанского, а в другой кожаный кнут. Встав, он выпил напиток залпом, бросил бокал в сторону и схватил меня за шею. Подняв мой подбородок, он страстно поцеловал меня. Я почувствовала вкус шампанского на его языке и возжелала большего.

– **«Ax!»** – ахнула я, когда он хлестнул по моему соску.

– **«Не жадничай»**, – дразнил он.

– **«Еще»**, – умоляла я, закусив губу.

Он вынудил меня посмотреть ему в глаза и, ухмыляясь, сказал. – **«Нет»**.

– **«Мастер, пожалуйста...»**

Удар. Это жалило, но в тоже время ощущалось удивительно.

– «*Кто здесь отдает приказы?*»

– «*Вы*».

– «*Кто?*» – потребовал он снова.

– «*Вы!*»

Как волк вокруг овцы, он кружил вокруг меня, его кнут скользит по моей коже между веревками. Когда он добрался до моих сосков снова *удар*.

Я была такой влажной, такой возбужденной, что хотела закричать от отчаяния.

Одним легким толчком я оказалась на боку, наблюдая за тем, как он уставился на меня с жадностью, его кнут нежно – почти как перышко – прошелся от пальчиков ног по ногам и бедрам. Затем он обогнул им изгибы моей задницы.

Удар.

– «*Мастер...*»

– «*Tсс...*» – был единственный его ответ, кнут оказался между моих бедер.– «*Раздвинь ноги*».

Я выполнила его приказ. Он бы получил все, что пожелал в этот момент.

– «*Смотри, какая ты влажная, Блэр*».

Удар.

– «*Oх!*» – ахнула я, когда удовольствие пронеслось по всему моему телу так сильно, что я сжала их.

– «*Я еще не закончил. Открой их*», – потребовал он, но я не могу. – «*Это лишь еще больше тебе навредит, малышка, если ты ослушаешься моего приказа. Открой. Их*».

Я повиновалась.

Удар.

Удар.

Удар.

Он не прекратил свои нападки на мою киску, а я не в силах остановить его. Это так чертовски приятно. Без зазрения совести я развела ноги еще шире, извиваясь от нужды на ковре.

– «*Зачем ты мучаешь меня, Блэр?*» – прошептал он, становясь на колени между моих ног. – «*Я не могу больше сдерживаться*».

Разгоряченной, мне не терпелось почувствовать его внутри себя. Однако это никогда не произойдет. Он выше меня, и я ощущаю его стояк, прижимающийся ко мне, и лишь боксеры отделяют нас. Он толкнулся вперед, его взгляд ни на секунду не отрывался от меня. Мы играем роли. Я так быстро это забыла. Даже слышать то, как он называет меня «Блэр», не возвращает меня в реальность. Это было знаком, что он не может меня трахнуть на самом деле. Я раздражена, но не могу позволить проявиться эмоциям на лице.

Проклятье! К черту Дэймона. Я хочу Ноа *прямо сейчас*.

Ноа

Я никогда не испытывал такую сильную пытку за всю свою жизнь, как этим вечером.

Как только съемки закончились, мне хватило духу схватить ее халат и бросить его на нее перед уходом. Мне плевать, что скажет режиссер или кто-либо еще. Мне необходимо трахнуться.

И словно Бог услышал мои молитвы, мой телефон завибрировал.

«*В твоем номере через десять минут*».

Глава 8

Ноа

Она сказала десять минут или десять чертовых лет?

Прошел уже час с тех пор, как она написала мне смс, и либо она жестоко подщупила надо мной, либо кто-то встал на ее пути. С Амелией никогда нельзя сказать наверняка.

– Ноа?

Вы подумали бы, что я грабаная ракета, если бы увидели, как быстро я соскочил с кровати и оказался перед дверью своего номера. Она стояла в юбке и футболке, держа красную веревку в одной руке, а кнут – в другой. В ее голубых глазах плескалась лишь... похоть.

– Сделай это снова, – потребовала она.

Это рай или ад? Понятия не имею, но я так рад здесь находится.

– Я не могу, – это все, что я успел вымолвить прежде, чем бросился к ней, прильнув к ее губам. Я поцеловал ее грубо и страстно, прекрасно понимая, что в этот раз нас ничто не остановит. И она поцеловала меня в ответ.

Амелия

Возбуждение, которое я чувствовала раньше, вернулось с удвоенной силой. Я написала ему смс, планируя сразу же рвануть к нему. Однако режиссер задержал меня, чтобы обсудить самые неуместные вещи на свете, такие, как удерживать зрительный контакт с камерой и попытаться издавать стоны мягче. Я хотела поинтересоваться, кто-нибудь когда-либо хлестал его киску, чтобы давать мне такие указания. В той сцене не было ничего мягкого. Но опять же это неважно, поскольку его губы на моих прямо сейчас. Не Дэймон и Блэр, а Ноа и Амелия.

Моя спина прижата к двери, и он уставился на меня, будто я самый важный человек в мире. Его губы нависли над моими, но он не целовал меня.

– Почему ты остановился? – я нахмурилась.

Он ухмыльнулся, нежно обхватив руками мое лицо. – Я жду того, чтобы ты сказала мне, чего хочешь.

Он никогда не задавал мне такой вопрос. Я просто следовала за ним. И не возражала. Если бы люди посчитали меня мамлей, мне плевать, поскольку в конце дня я все еще нахожусь рядом с ним. Он поцеловал мою голову, нос, а затем вновь остановился у моих губ.

– Чего ты хочешь, Амелия? Скажи это.

– Займись со мной любовью, – прошептала я, сняв футболку и бросив ее в сторону.
– Вот чего я хочу.

Когда он поцеловал меня в этот раз, то это было похоже на наш поцелуй на кухне. Страстный. Все мое тело повисло на нем, и он поднял меня на руки. Положив в центр своей кровати, он проложил дорожку из поцелуев по моей шее.

— Ах... — задрожала я, когда он обхватил руками мою грудь, большим пальцем потирая сосок прежде, чем поцеловать их оба. Затем его губы опустились к моему животу. Медленно он стянул с меня юбку, позволив упасть ей к моим ногам. Он навис надо мной, уже скользя двумя пальцами между моих бедер.

— Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел, — прошептал он мне на ухо, когда я зажала ногами его руку, упиваясь удовольствием, которое Ноа доставлял мне рукой.

Слишком быстро он отстранился, еще раз облизнув мои соски, он направился вниз ко мне между ног. Он нежно развел их в стороны и поцеловал мой клитор. Вытащив пальцы, его язык занял их место, и мои ноги обернулись вокруг его головы. Руками я ухватилась по разные стороны кровати, слегка удерживаясь, пока его язык исследовал каждый мой дюйм, но не в силах больше терпеть, я схватила его за волосы. Его хватка на моих бедрах усилилась, но он ни на секунду не остановился, пока я покачивалась напротив его рта.

— Ох! — выкрикнула я, закатив глаза и облизав губы. Это ощущается слишком приятно. Он слишком хорош. Это ощущалось, словно он продолжает притягивать меня к себе. Когда он начал облизывать и посасывать, пальчики на моих ногах подогнулись. Моя спина выгнулась к нему.

— О, Боже, да! — ахнула я, моя грудь вздымается от нахлынувшего оргазма, испытанного мною только что лишь от одного его рта. Я села на колени. Встав, он снял рубашку и бросил ее в сторону, а затем прижал меня к своей груди и поцеловал. Тот факт, что я смогла ощутить свой вкус у него на языке, свел меня с ума от желания.

— Я хочу тебя, — прошептала я, нежно целуя его накаченную голую грудь, проводя пальчиками по его прессу.

— И я у тебя есть, — ответил он, запустив руки в мои волосы.

Я улыбнулась, рукой потянув пояс его штанов. — Тогда я хочу тебя во мне.

Он перевернул меня на спину. Сняв штаны, он навис надо мной, мое сердце бешено заколотилось в груди, когда он провел руками по мне. Его руки скользнули к моим, держа их по бокам.

— Я хочу, чтобы у тебя было то, что ты хочешь, — сказал он надо мной, и одним толчком вошел в меня, отчего я разинула рот.

— Амелия, — простонал он, погружаясь еще глубже. Одна из его рук опустилась к моей талии. Ни на секунду он не отвел своего взгляда от меня, и у меня возникло чувство, что мое сердце вот-вот разорвется на кусочки. Обняв его за шею, я прижала его еще ближе к себе. Я хочу никогда его не отпускать.

Медленно.

Чувственно.

Страстно.

Красиво.

Такое ощущение, что в этот момент мы делимся всем друг с другом. Даже наше дыхание синхронно. Он обнял меня, а я его. Я вторила каждому толчку, мое тело взывает к нему самыми лучшими постижимыми способами.

— Ноа, — простонала я, покусывая губы.

Он поцеловал мою челюсть. — Еще раз... мое имя. Повтори его.

— Ноа, — повиновалась я. Он улыбнулся, схватив меня за бедра и толкнулся еще глубже, чем я думала возможно.

Я в раю: ощущение его во мне, на мне, и его губ по всему моему телу. Я уверена, что это рай. И хочу, чтобы это никогда не заканчивалось.

Ноа

Боже, она так чертовски красива.

– Ноа! – выкрикнула она, ее ногти впились в мою спину, когда она кончила.

Я хочу слышать больше ее криков для меня. Она сводит с ума, она ощущается подобно...

– Черт, – прошипел я оттого, насколько узкой она является. Я не могу больше сдерживаться. Я ускорился, и ее ноги обернулись вокруг меня и...

– Амелия! – я поцеловал ее, кончая.

Я рухнул на нее, и она обняла меня. Не расцепившись, мы целовались, вращаясь по постели до того момента, пока нам не пришлось отстраниться друг от друга из-за нужды в кислороде.

– Bay, – сказала она, тяжело дыша, теперь уже лежа на мне сверху.

– Bay, – повторил я, положив руки ей на спину и откинувшись на подушки.

Она легла на меня, руками я водил по ее спине и бокам. Я чувствовал себя потрясающее, и больше всего мне хочется быть с ней снова.

– Чего ты хочешь, Ноа? – прошептала она, сев и взглянув на меня.

– Что?

Она повторила еще раз, теперь намного медленнее. – Чего. Ты. Хочешь?

Я хочу трахнуть ее. Я хочу заняться с ней любовью. Я хочу танцевать на моей кухне с ней снова. Я хочу ее.

– Тебя, – прошептал я, гладя ее волосы.

– Тогда прими меня, – сказала она, как будто это так чертовски легко. Но это не так. – Мы можем попробовать вместе... это. Если ничего не получится...

– Мы сыграем вместе в другом фильме через десять лет? – пошутил я, и она ударила меня по груди.

– Я серьезно.

Я прекрасно знаю это.

– Уже три часа ночи, Амелия. Мы можем оставить этот разговор до завтра?

– А ты все еще будешь здесь завтра? И я не подразумеваю съемочную площадку или этот отель. Ты все еще будешь в постели со мной завтра?

Я хочу. Поэтому решил сказать то, что хочу, и надеюсь, этого будет достаточно.

– Я буду здесь, – заверил ее я.

5:19

Прошло всего два часа с тех пор, как я пообещал Амелии, что буду рядом с ней, когда она проснется. Но смотря на сообщение в телефоне, я уже понимаю, что вынужден его нарушить. Я написал ей записку, надеясь, что этого будет достаточно, пока не вернусь. Но это не так. Я прекрасно понимаю это, но я все равно должен ей рассказать. Я хотел разбудить ее, но если я не могу рассказать ей правду, тогда в чем смысл?

Однажды я проснусь, посмотрю на себя в зеркало и увижу достойного парня... только не сегодня.

Я говорю себе это уже почти десять лет. Это единственное, что удерживает меня в здравом уме – надежда, что когда-нибудь я стану лучше.

Я взглянул на нее, свернувшуюся калачиком посреди моей кровати, слегка храпящую, почесавшую нос, когда она перекатилась на другой бок. Она никогда не выглядела изящной спящая. Только Богу известно, сколько раз она пинала меня во сне, когда мы были моложе. Но я лишь улыбался и обнимал ее еще крепче.

Когда я закрыл дверь за собой, то заметил, что Остин уже стоит в гостиной переодетый, как будто он никогда и не ложился спать, а просто сменил одежду. Зная его, такое вполне возможно. В моей жизни существует лишь два человека, которым я когда-либо доверял: он и Амелия.

– Она лишь разозлит тебя, если ты пойдешь.

– Раз уж ты здесь, если Амелия проснется, скажи ей, что я скоро вернусь, – я проигнорировал его и схватил пиджак со стула, направившись к двери.

– Ноа, прошло десять лет. Она не может продолжать контролировать тебя.

– Дело не во мне, я беспокоюсь по другому поводу, – это никогда не касалось меня, я переживал по другой причине.

Закрыв дверь за собой, я уставился на дверь из слоновой кости с красным ковром перед ней напротив своего номера. Я не уверен, как она заполучила этот номер, но опять же, не стоит удивляться. Все думали, что она какая-то идиотка, дряхлая старушка, которая уже не знала, чем заняться – но это далеко от истины.

– Я рада, что ты пришел, Ноа, – она улыбнулась, когда я вошел, дверь оставили открытой для меня. Она одета в темно-красную ночную рубашку, а на волосах бигуди. Она сидела в кресле, словно королева.

– А у меня был выбор, Эстер? – спросил я. Как Амелия может быть дочерью этой женщины, остается вне моего понимания. Но учитывая, кто мои родители, я не имею права что-либо говорить по этому поводу.

Она свирепо уставилась на меня, ее поведение совершенно отличается от той слоняющейся идиотки, что я встретил днем. – У нас был уговор, Ноа.

– Я не пойду на это снова, Эстер. Я не...

Встав с кресла, она бросила папку, и фотографии из нее разлетелись повсюду, упав и на мои ноги. Фото со мной и с несколькими разными женщинами, большинство из которых я даже не помню.

– Выбери одну из них. И она появится на каждом сайте новостей, блогах и журналах к полудню.

Это похоже на дежавю.

Но в этот раз я не ребенок и не позволю Эстер гребаной Лондон уничтожить меня снова.

A handwritten signature in blue ink that reads "Амелия". The signature is fluid and cursive, with a large, stylized "А" at the beginning.

Как только он закрыл дверь, я открыла глаза. Он ушел. Мне не больно, поскольку я ожидала этого.

Но куда, черт возьми, он отправился так рано утром? Перевернувшись на другой бок, я увидела записку, оставленную им на столе рядом со мной. Три предложения.

Все сложно.

Я хотел остаться, но кое-что произошло.

Прости.

– Ноа

Глава 9

Амелия

Если бы кто-нибудь назвал меня идиоткой, я бы не согласилась с ними. Пока я взрослала, люди всегда говорили, что я образец для подражания для молодых девушек, хотя я такой не являлась. Не тогда и уж точно не сейчас. Я хотела бы объяснить, но не могу. Я любила его на грани идиотизма. Кто угодно может поджечь этот отель, и если бы он сказал мне сидеть и ждать его здесь, то я так и поступила бы. Не разумно быть настолько привязанной к одному человеку. С одной стороны уверять себя в этом, а с другой – намеренно вычеркивать любимого человека из своей жизни.

Почему я люблю его? Он – плейбой. Он никогда не сдерживает свои обещания. По его вине я плакала слишком много раз. Список можно продолжать. И когда я думаю об этом, то чувствую себя такой злой и обиженной, что мне хочется убить его. Я хочу кричать!

Но затем я вспоминаю нашу первую встречу с ним, когда мне было девять лет. Он был застенчив и никогда не встречался ни с кем взглядом. Он прекрасно исполнял свои сцены, а затем исчезал. Но однажды утром, когда я попыталась сбежать со съемочной площадки – хотя на самом деле просто пряталась в шкафу – он нашел меня. Он пришел с сумкой еды, которую украл со стола с закусками, и мы играли в игру «Четыре в ряд» и настольную игру «Страна конфет» до тех пор, пока кто-то нас не нашел. Я вспоминаю, как на мой тринадцатый день рождения он прокрался в мой трейлер, чтобы принести мне гигантский торт в виде капкейка, пока не видит мама. И то, как он поцеловал меня в первый раз за десять минут до начала наших совместных съемок, сказав: «я не хотел, чтобы твой первый поцелуй произошел из-за фильма».

Все мои лучшие воспоминания связаны с ним... нами.

Поэтому я сижу в его гостиной в одной его рубашке и жду. Он пропустил съемки, весь съемочный день, и я тоже. Олли звонил мне, по крайней мере, три дюжины раз, но я не нуждаюсь в том, чтобы он сказал мне все то, что я и так уже знаю.

21:47

Именно в это время он появился в номере, споткнувшись и еле держась на ногах, от выпитого им алкоголя.

Его одежда порвана, губа разбита, а под левым глазом фиолетовый синяк.

– Остин? – он держался за стол около двери. – Остин!

– Он ушел несколько часов назад.

Его голова тут же повернулась в моем направлении. Он попытался выпрямиться, но лишь снова споткнулся.

– Ты все еще здесь, – засмеялся он, не в силах взглянуть мне в глаза. Он провел руками по волосам. – Неужели ты, правда, не поняла намек, Амелия?

– Возможно, тебе следует более ясно излагать свои намеки.

– Меня не было здесь, когда ты проснулась. Я не вернулся...

– «Все сложно. Я хотел остаться, но кое-что произошло. Прости. Ноа», – я прочла его записку, оставленную утром. – Видишь, я получаю противоречивые заявления?

– Я не могу сейчас...

– Хорошо. Я подожду.

– Проклятье, Амелия! – закричал он. – Просто уйди! У нас ничего не вышло раньше! Не выйдет и сейчас! Не. Получится! Мы неисправны. Я неисправен.

Поднявшись, я встала перед ним.

– Что произошло сегодня?

Он не ответил, лишь отвел взгляд.

Обхватив его лицо руками, я заставила его посмотреть мне прямо в глаза. – Я наконец-то прочла «Грешики, похожие на нас» и теперь понимаю, почему, черт возьми, люди так безумно восхищаются Дэймоном и Блэр, несмотря на то, что они, вне всякого сомнения, безумные. Поскольку их любовь друг к другу невообразима, нелогична, невероятна и чертовски прекрасна. Она будет преследовать его по всему миру, а он будет защищать ее до последнего вздоха. Они одержимы друг другом, так же как и я тобой. И хотя мы не видели друг друга несколько лет, мне бы хотелось все еще думать, что я знаю тебя лучше всех на свете. Нет. Я все же знаю тебя лучше всех на свете. Ты – хороший человек. Так что сегодня произошло, Ноа?

Его лицо исказилось, и во второй раз я наблюдала, как он плачет. Он обнял меня и рыдал.

– Мне очень жаль, – сказал он, – мне так жаль.

Не знаю, сколько времени он извинялся или сколько мы просидели там, прежде чем он начал наконец-то объяснять.

– Ты когда-нибудь задумывалась, почему мы получали так много ролей в юности? – прошептал он, глубоко вздохнув. – Я всегда думал, что это потому, что мы потрясающие. Все говорили это так часто, что я никогда не подвергал это сомнению. Что бы я ни делал, все хвалили. Я вынужден был заниматься тем, что люблю, чтобы обеспечивать семью, да вдобавок я заполучил тебя. Но затем потрясающей стала лишь ты. Мне стало сложнее добиваться ролей, а это не так уж и просто. Но мне было плевать. По крайней мере, у меня все еще была ты. Но моего отца не устраивал спад моей карьеры. Тогда графики наших съемок не совпадали, и однажды ты отправила мне свои фотографии. Мой отец нашел их. Он отправился к твоей матери, чтобы шантажировать ее ради денег. Она была готова заплатить при двух условиях: во-первых, мы расстаемся, а во-вторых, он проследит за тем, чтобы ты получала роли тем же способом, что и я – при помощи шантажа или угроз в адрес других родителей и их детей. Ведь тогда мой отец был членом одной из самых печально известных байкерских банд. Ему было легко выполнить условия. Помнишь, Скайлар ДеГрей?

– Нет, ты же не хочешь сказать… Она… она…

– Она погибла в автокатастрофе. Но это не был несчастный случай. Она была восходящей звездой. Все хотели ее вместо тебя, и твоя мать ненавидела ее. Потребовался один телефонный звонок, и я помню, как увидел все это в новостях следующим утром. Сначала я подумал, что это все нереально. Я не мог поверить, что они сделали это. Я хотел рассказать кому-нибудь… кому угодно. Но они сказали, что я являюсь соучастником, и поскольку мне совсем недавно исполнилось восемнадцать, то я тоже подвергнулся наказанию, как и они. Но мне было плевать. Я все равно хотел рассказать кому-нибудь, но затем они сказали, что произойдет с тобой. Никто бы не поверил, что ты была не в курсе, а даже если бы и поверили, то это стало бы клеймом на всю твою жизнь. Амелия Лондон, дочь убийцы, девушка парня, который просто наблюдал за происходящим. Я не знал, как поступить! Я до сих пор не знаю, как поступить!

– Я не могу дышать, – моя рука задрожала, когда я вспомнила все «удачные» пробы. Все это время… О, Боже. Боже мой!

– Амелия, – он схватил меня. И только тогда я поняла, как сильно дрожу. – Несмотря ни на что, ты не можешь никому рассказать об этом, иначе мой отец убьет тебя.

И моя мать позволит ему, если тем самым она спасет себя.

Тот факт, что я знаю это, и без того до смерти пугает меня.

Мы – дети убийц.